8с4(алт)
Т-988

ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Т. С. ТЮХТЕНЕВ

АЛТАЙСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

Горно-Алтайск - 1972

-207854-

8СФ(Алт)
Т-988

ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Т. С. ТЮХТЕНЕВ

АЛТАЙСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

Горно-Алтайское отделение Алтайского
книжного издательства
Горно-Алтайск, 1972

Горно-Алтайская
областная
БИБЛИОТЕКА.

8РФ + 78С(Алт.)

Ответственный редактор
профессор, доктор филологических наук
В. М. Сидельников

ПРЕДИСЛОВИЕ

Устное поэтическое творчество Горного Алтая разнообразно тематически и богато в жанровом отношении. Кроме хорошо известных читателю героических поэм, изданных в оригинале и в переводе на русский язык («Алтай-Буучай», «Малчы-Мерген», «Алып-Манаш» и др.), алтайский народ имеет замечательные исторические песни («Песня о разорении Алтая», «Песня о Шуну» и др.), сказания и легенды, предания и сказки, пословицы и поговорки, песни обрядовые, семейно-бытовые, игровые, шуточные, сатирические и т. д. К сожалению, этот богатейший материал словесного и музыкального искусства алтайцев еще мало изучен и почти не опубликован.

В дореволюционное время алтайским фольклором интересовались В. И. Вербицкий и В. В. Радлов. Они подняли любопытный материал по народной поэзии Алтая. В годы Советской власти круг собирателей и исследователей несколько расширился. Были опубликованы небольшие сборники образцов песенного фольклора. Некоторые песни в переводе на русский язык были включены в сборник «Творчество народов СССР», изданный в Москве в 1937 году. Были отдельные публикации на страницах периодической печати. Затем стали появляться и серьезные исследования. Так, песенно-музыкальному фольклору алтайцев посвятил свои работы композитор и этнограф А. В. Анохин. Исследование Н. П. Дыренковой «Шорский фольклор» (1940 г. Записи, перевод, вступительная статья и примечания) является единственным ценным трудом в области алтайской фольклористики.

В переводах А. Смердова, И. Мухачева, Е. Березницкого и под редакцией А. Коптелова был издан эпос Горного Алтая. В 1960-х годах вышли работы по алтайскому фольклору С. С. Суразакова и его же ценное исследование «Героическое сказание о богатыре Алтай-Буучае». В 1966 году в Томском государственном университете Г. В. Кондаковым была защищена кандидатская диссертация о взаимосвязи алтайской литературы и фольклора. В настоящее время перед нами новая работа, посвященная алтайским песням. Автор ее — научный сотрудник Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы кандидат филологических наук Т. С. Тюхтенев.

Книга данного автора является первой попыткой проанализировать идейно-художественные особенности алтайской песни, осветить условия ее бытования, выяснить основной песенный репертуар и т. д.

В книге привлечен большой материал, собранный в дореволюционное время, в годы Советской власти этнографами, фольклористами, писателями Алтая и самим Т. С. Тюхтеневым.

Все исследование распределено на два раздела: 1. Традиционное песенное творчество Горного Алтая. 2. Советские песни Горного Алтая. В особый раздел выделены наблюдения автора над поэтикой алтайских песен. Основному исследованию предпослано «Введение», в котором дан обзор и оценка фольклорного материала, собранного В. И. Вербицким, В. В. Радловым. Несколько подробнее автором рассказано об А. В. Анохине. Т. С. Тюхтенев замечает, что труды этого замечательного собирателя и исследователя алтайского фольклора до настоящего времени никем не изучались. А они заслуживают детальной разработки. Далее разбираются фольклорные материалы, собранные советскими этнографами и фольклористами.

В первом разделе, посвященном традиционному песенному творчеству Горного Алтая, автор внимательно рассматривает все песенные жанры. Он подробно останавливается на исторической песне о разорении Алтая, приводя ряд вариантов, указывает неточности в переводах ее на русский язык.

Очень любопытна песня о Шуну. Имя этого героя известно в фольклоре монгольских и тюркских народов. К сожалению, Т. С. Тюхтенев не приводит примеры из фольклора других народов.

Замечательны по своим поэтическим данным песни семейно-бытовые, социально-сатирические и шуточные. В них ярка талантливость алтайского народа, своеобразие его быта. Автор приводит и ряд образцов песен трудовых, охотничьих.

Очень ценны и интересны сведения о песенных состязаниях. Такие айтысы очень характерны для казахского народа. Следовало бы проследить своеобразие этих поэтических состязаний у различных тюркских народов. Но, видно, это тема специального исследования, и она требует большого дополнительного материала.

При рассмотрении всех этих вопросов Т. С. Тюхтенев привлекает различные варианты той или иной песни, исторический и этнографический материал.

Во втором разделе исследования прослеживается песенный фольклор, созданный в годы Советской власти. Анализируются песни бытовые и песни, отразившие события Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Иногда они даются в сравнитель-

ном плане с песнями традиционными и во взаимосвязи с песнями литературными, созданными алтайскими писателями и композиторами. В книге есть очень ценные сведения о самодеятельных авторах. Эту работу следует продолжать. Изучение творческой индивидуальности того или иного песенника, сказителя и сказочника даст ценный материал при решении важной проблемы советской фольклористики и литературоведения — проблемы взаимосвязи литературы и фольклора.

В связи с изменениями быта и мировоззрения алтайцев песни советского времени рассматриваются в историческом развитии. Автором отмечена фольклоризация песен алтайских поэтов и композиторов: «Белая береза», «Яблоня», «Журавли» и др. Приведены примеры использования народных песен алтайскими писателями: Л. Кокышевым, Ч. Чунижековым и др. При решении этого вопроса Т. С. Тюхтенев подчеркивает, что песенное творчество алтайцев теснейшим образом связано с современной литературой и способствует ее развитию. Очевидно, то же самое можно сказать и про творчество композиторов Алтая.

Особый раздел составляет поэтика алтайской песни. Автор выделяет наиболее характерные поэтические признаки ее, рассматривая изобразительные и выразительные художественные средства и приемы. Частично он останавливается на песенном языке, отмечая богатство песенной лексики.

Очень интересны сведения о различных видах исполнения алтайских песен в народе. Это, видимо, идет от глубокой седой старины и связано с обрядово-драматическими действиями, с религиозными ритуалами. А может быть, это порождено трудовой деятельностью человека и связано с его трудовыми процессами. Но формы исполнения песен оригинальны и, видимо, свойственны только алтайскому народу.

Работа Т. С. Тюхтенева вносит много нового в исследование песенного фольклора Алтая и является хорошим дополнением к работам его предшественников.

Профессор В. СИДЕЛЬНИКОВ.

ВВЕДЕНИЕ

Алтайский народ, как и все народы нашей многонациональной Родины, имеет разнообразную по жанрам и самобытную по форме устную поэзию. Он создал и сохранил в своей памяти замечательные образцы героических сказаний и сказок, исторических преданий и легенд, песен, пословиц, поговорок, загадок. В них народ выразил свои мечты и надежды, отразил трудовую деятельность, бытовые факты, исторические события и т. д.

В народной поэзии Горного Алтая особое место занимает песня как по количеству, так и по идейно-художественной значимости. Она тесно связана с историей народа, с его жизнью.

В прошлом у алтайцев преобладало пение в унисон. Элементы двуголосия чаще всего встречались в инструментальных наигрышах аккомпанирующего инструмента топшура[1]. Диапазон напевов был весьма ограничен (в пределах кварты или квинты, редко расширялся до октавы и более). Например, у телеутов есть элементы многоголосия в виде подголосков, имитаций. У них большой диапазон голоса, очень развитая мелодическая линия песен. Представляет большой интерес песенно-музыкальный фольклор кумандинцев. Он отличается от песенного творчества телеутов тем, что в напевах кумандинцев беднее представлены украшения в виде форшлагов, мордентов и других мелизмов. Напевам их тоже характерен большой диапазон.

У южных алтайцев, в отличие от северных, есть в напевах свое, самобытное, присущее только их музыкальной практике. Для песен южных алтайцев характерна пентатоника, большая распевность, секвенционное построение музыкальных фраз и т. д.

Тексты песен алтайцев (южных и северных) носили также черты импровизации. Нередко на одну и ту же мелодию распевались песни разного содержания, хотя были и мелодии с закрепившимся текстом. Многие из этих песен по сегодняшний день не утратили своего значения. В них ярко отразились бытовой уклад, труд, глубокие лирические чувства, стремление алтайского народа к свободной жизни. Поэтому вполне естественно, что,

---

[1] Топшур — алтайский щипковый музыкальный инструмент. Энциклопедический музыкальный словарь, М., 1959, стр. 272.

изучая быт и историю народа, ученые не могли не обратить внимания на его устное творчество.

Научное собирание и публикация народного творчества алтайцев началось с середины XIX века. Трудами многих ученых выявлен большой материал по народной поэзии и музыке. Собраны и опубликованы различные жанры алтайского фольклора.

Первые записи песенного фольклора были сделаны В. И. Вербицким и В. В. Радловым совместно с алтайским писателем-просветителем М. В. Чевалковым. Эти материалы были опубликованы в книге В. В. Радлова «Образцы народной литературы тюркских племен» (т. I, СПб, 1866) и этнографическом сборнике В. И. Вербицкого «Алтайские инородцы» (М., 1893).

В эти издания были включены почти все жанры алтайского фольклора. Радлову и Вербицкому принадлежат и первые исследования алтайского фольклора. Первый в своих трудах («Письма из Алтая», «Из Сибири», «О формах связной речи у алтайцев татар») исследует характер исполнения и ритмику исторических и лирических песен. Вербицкий в статье о песнях[2] рассматривает тематические особенности и изучает мастерство исполнителей песен алтайских племен.

Исследователи Горного Алтая постоянно отмечали большую способность алтайцев к поэтической импровизации. Так, В.И. Вербицкий писал, что «алтайцы очень склонны к пению и музыке»[3]. Композитор Анохин А. В., говоря об исключительной способности алтайцев к поэтической импровизации, писал: «Ею пользуется алтаец в каком угодно случае. Импровизация бывает в былинах, сказках, песнях, при приветствии гостей, в споре, на свадьбах, похоронах. Импровизация везде, где только есть место свободному поэтическому слову»[4].

С первых лет Советской власти стало уделяться огромное внимание вопросу развития культуры всех народов. Этого требовали не только новые условия жизни, но и пробуждение творческой активности народов. Горький писал в своем приветствии первому съезду литераторов Сибири: «В России совершается то, чего никогда и нигде не было в творчестве новых форм жизни. Все племена Союза Советов получили право свободно говорить своим языком, свободно работать для развития своих способностей»[5].

В Горном Алтае открывались школы, строились электро-

---

[2] В. И. Вербицкий. Алтайские инородцы. М., 1893, стр. 167.
[3] В. И. Вербицкий. Алтайские инородцы. М., 1893, стр. 167.
[4] А. В. Анохин. Об азиатской музыке тюркских и монгольских племен. Горно-Алтайск, музей, архив А. В. Анохина, стр. 7.
[5] Сб. Горький и Сибирь. Новосибирск, 1961, стр. 166.

станции, организовывались колхозы. Появились газеты и книги на родном языке. Новая советская действительность вызвала к жизни и новые песни.

Если традиционная народная поэзия своим идейным острием была направлена на борьбу против социальной несправедливости, то советская народная поэзия алтайцев направлена на утверждение нового общественного и государственного строя. Она воспевает радость труда, выражает богатые чувства свободного человека, ставшего хозяином своей жизни.

Послереволюционная эпоха характеризуется более активным процессом собирания народного поэтического творчества. Этим она отличается от дореволюционного периода, когда устное творчество народов России собиралось и изучалось эпизодически и случайно.

Из собирателей песенно-музыкального творчества алтайцев дореволюционного периода и первых лет Советской власти необходимо отметить композитора и этнографа А. В. Анохина (1874—1931). В течение тридцати лет он изучал быт, обычаи, верования народов Сибири (алтайцев, шорцев, телеутов), собирал музыкальный фольклор. Только у алтайских племен Анохиным записано более 500 народных песен и около 800 мелодий. По алтайским народным мотивам им написаны сценические поэмы «Хан-Эрлик» и «Талай-Хан», музыкальная сюита для хора и оркестра «Хан-Алтай» и многочисленные песни. Наиболее популярными из них в народе является «Катунь», «Алтын-Кёль», «Гусь», «Алтайская песня». Широкая напевность, образность, яркий национальный колорит, воспевание величия и красоты природы Горного Алтая являются отличительной чертой музыкальных обработок А. В. Анохина.

Интересными являются труды А. В. Анохина о песенно-музыкальном творчестве алтайцев: «Народное песенное музыкальное творчество алтайцев, монголов и шорцев»[6], «Об азиатской музыке тюркских и монгольских племен»[7]. В них автор рассматривает ладовое развитие алтайской музыки, особенности песенных мелодий, отмечает склонность алтайцев к поэтической импровизации, описывает алтайские народные музыкальные инструменты. Труды А. В. Анохина являются первыми в исследовании песенно-музыкальной культуры алтайских племен и представляют для нас большую научную ценность.

---

[6] А. Анохин. Народное песенное музыкальное творчество алтайцев, монголов и шорцев. Горно-Алтайск, научно-исследовательский институт ИЯЛ, архив А. В. Анохина.

[7] А. Анохин. Об азиатской музыке тюркских и монгольских племен. Горно-Алтайск, музей, архив А. В. Анохина.

В 20-х годах А. В. Анохин, собирая и изучая песенно-музыкальное творчество алтайцев, создает хор, который неоднократно выступал в городах Сибири. С 1930 года и до конца своей жизни он работал научным сотрудником Горно-Алтайского областного музея, где проводил большую работу по сбору фольклорных, этнографических и музыкальных материалов, готовил музыкальные кадры из среды коренного населения. К сожалению, собранные им фольклорные, музыкальные и этнографические материалы до сих пор не изучены.

В 20-е годы появляются первые ростки советской алтайской народной песни и первые их записи.

Песни этих лет продолжали развивать лучшие традиции песенного творчества алтайцев: разнообразие интонационного строя, ритмического рисунка. Они динамичны, как динамична сама жизнь.

По содержанию и кругу образов эти песни были тесно связаны с новой жизнью алтайцев. Алтайский народ заявлял с гордостью в своих песнях, что «в горы Алтая горе старое не придет». В новых песнях нет ни стона, ни жалоб, ни печали. Приведем пример из народных песен алтайцев, созданных в середине 20-х годов:

Сары чӧлдинг ӧлӧнгин
Салкын согуп сергитти.
Санааркап јӱрген бойысты
Совет јаҥыс јыргатты.
Куба чӧлдиҥ ӧлӧҥин
Куйун салкын сергитти.
Кунугып јӱрген бойысты
Коммунист партия јыргатты...

Желтую траву степную
Освежил весений ветер.
Власть советская от гнета
Навсегда освободила.
Всю траву долин широких
Освежил весенний ветер.
Коммунисты нас от горя
Навсегда освободили...[8]

Создание национальной письменности и издание газет на родном языке способствовали публикации фольклорных произведений. С 1925 года газета «Кызыл Ойрот» на своих страницах помещает народные песни, пословицы, поговорки, загадки, сказки. Особенно эта работа оживилась в середине 30-х годов. На Первом съезде советских писателей А. М. Горький, обращаясь к участникам съезда, призывал их собирать и изучать свой фольклор на местах, публиковать лучшие образцы национального фольклора. Фольклористы Горного Алтая в 30-х годах провели значительную работу по собиранию и публикации алтайского

---

[8] Сб. Народные песни алтайцев. Горно-Алтайск, 1962, стр. 17. Песня записана в 20-х годах в Улаганском аймаке. Перевод подстрочный.

фольклора, в том числе народных песен. В 1934 году в Москве было издано несколько алтайских народных песен в музыкальной обработке Б. Сальмонта[9]. В 1938 г. в Новосибирске выходит второй сборник алтайских народных песен на русском языке[10]. В работе над сборником приняли участие алтайские поэты, учителя. Они же делали подстрочные переводы песен на русский язык. Литературная обработка песен на русском языке произведена сибирскими поэтами В. Непомнящих, А. Смердовым и Е. Березницким. Сборник этот является как бы своеобразным поэтическим рапортом алтайцев социалистической Родине. Он рассказывает о новых мыслях, чувствах, настроениях трудящихся Горного Алтая.

Несколько алтайских песен в обработке сибирских поэтов было просмотрено А. М. Горьким и напечатано в журнале «Колхозник»[11]. Ряд текстов песенного фольклора был опубликован на страницах областных газет «Кызыл Ойрот», «Белен бол!» «Ойроттың комсомолы».

Со второй половины 30-х годов в пропаганде народных песен активную роль сыграла редакция областного радиовещания. При радиокомитете был организован инструментально-вокальный ансамбль под руководством композитора А. Ф. Хитрова. Ансамбль исполнял народные песни. Эти песни записывались во время народных игр, танцев. Участники ансамбля Поликарп Чичинов, Тоно Монголов, Анна Чумакаева, Николай Мошкин, Софья Бадаева играли на национальных музыкальных инструментах и сами исполняли народные песни. Кроме того, часто выступали по радио сказители и певцы (В. Ябыков, И. Сабашкин и другие).

Ансамбль сыграл положительную роль в пропаганде алтайских песен, а его руководитель провел большую работу по сбору и обработке народного музыкального творчества алтайцев. К сожалению, рукописи собранных песен и мелодий во время войны были утеряны.

В это же время создаются ансамбли топшуристов, икилистов, организуются курсы по подготовке исполнителей на музыкальных инструментах. Однако, строй и звучание этих инструментов не вполне удовлетворяли исполнителей. Необходимо было усовершенствовать их. В конце 30-х годов в Москве мастером П. А. Шошиным были изготовлены первые одиннадцать оркестровых инструментов. У топшура и икили[12] количество струн уве-

---

[9] Б. Сальмонт. Ойротские песни. М., ОГИЗ, Музгиз, 1934.
[10] Песни Ойротии. Новосибирск, 1938 (сост. С. Кожевников).
[11] Журн. «Колхозник». М., 1935, № 8, стр. 5.
[12] Икили — смычковый музыкальный инструмент.

личилось до трех, улучшилась чистота их звуков. Все это положительно сказалось на развитии песенно-музыкальной культуры алтайского народа[13].

Немало труда вложил в дело изучения музыкального фольклора алтайцев композитор А. П. Новиков. Некоторые его песни, написанные на основе алтайских народных мелодий, вошли в быт алтайцев и пользуются большой популярностью: «Аргымак», «О Конституции» и другие.

С 1935 года песенно-музыкальной культурой алтайцев занимался сибирский композитор А. М. Ильин. Им собрано большое количество народных песен и наигрышей. Многие из них творчески разработаны и звучат в крупных произведениях, например, в музыкальной драме «Чейнеш», балете «Шелковая кисточка», «Алтайской сюите». Интересно отметить, что работа композитора была тесно связана с песенно-музыкальной деятельностью писателя П. В. Кучияка. От него А. М. Ильин услышал много интересных напевов и наигрышей. Известно, что П. В. Кучияк был большим знатоком алтайского фольклора и обладал хорошими музыкальными способностями. Он играл на всех национальных инструментах и был талантливым импровизатором.

В народе особенно популярны алтайские народные песни в обработке А. М. Ильина: «Алтын-Кёль», «Партизанская», «Песня матери», «Шонкор», «Новый Алтай», «Яблоня» и другие.

Во время войны многие песенники и сказители, которые плодотворно работали в 20—30 годах, умерли или не вернулись с фронта; война затормозила собирание и публикацию произведений народного творчества алтайцев, в том числе песенного фольклора, хотя в те годы было создано много песен. Собирание и публикация их возобновились лишь в 50-х и 60-х годах. Эти годы явились как бы новым этапом в развитии песенного творчества алтайского народа.

В 50-е годы в связи с организацией педагогического и научно-исследовательского институтов, интерес к собиранию и изучению алтайского фольклора, особенно песенного, неизмеримо возрастает. С этого времени произведения народного творчества собирают не только отдельные исследователи, но и работники учебных заведений и научных учреждений, которые организуют специальные фольклорные экспедиции. Собранные ими как тра-

---

[13] А. Параев. Алтайские народные музыкальные инструменты. Горно-Алтайск, 1963, стр. 14.

диционные, так и современные народные песни опубликованы в различных изданиях[14].

После Великой Отечественной войны над алтайским песенным фольклором работали композиторы А. Ильин, С. Подгурский, В. Заводчиков.

В настоящее время активно работает композитор Б. М. Шульгин, который выступает как автор песенных форм и как обработчик народных песен. На стихи Л. Кокышева, А. Адарова, Э. Палкина, Г. Кондакова Б. Шульгин написал целый ряд песен и хоров. Его «Песня о чабанах» на слова К. Козлова получила в 1959 году вторую премию на Всесоюзном конкурсе лучших песен о труде и рабочем классе. К 40-летию установления Советской власти на Алтае Б. М. Шульгин написал симфоническую поэму «Алтай». Это первое крупное симфоническое произведение в алтайской музыке. Б. Шульгин является автором первого алтайского струнного квартета.

Плодотворно работает музыкальная секция композиторов-любителей. Из самодеятельных композиторов можно назвать А. Тозыякова. Им написано несколько песен, наиболее известными из них являются «Журавли», «Катунь».

Творческая деятельность композиторов, поэтов и собирателей устной народной поэзии, несомненно, оказала и оказывает положительное влияние на развитие песенно-музыкальной культуры алтайского народа.

В последние годы усилился интерес к алтайскому фольклору, появился ряд работ по эпическим произведениям алтайцев.

Ученым-фольклористом С. С. Суразаковым написано исследование по алтайскому фольклору[15]. В этой работе автор знакомит читателя с историей собирания и изучения всех жанров алтайского фольклора, анализирует традиционный и современный фольклор.

Лучшие песни звучат на колхозных полях и стоянках чабанов, на клубных сценах и молодежных вечерах. И исполняются они в различных формах. У алтайцев известны четыре вида исполнения песен:

1. Исполнение сидя, поджав под себя ноги (байдастаныл алала кожонгдооры). Эта форма исполнения встречалась в основном при состязаниях певцов.

2. Исполнение стоя (турала кожонгдооры). Такая манера исполнения была принята во время свадьбы, при народных играх.

---

[14] Кожонгдор (Песни). Горно-Алтайск, 1955; Песни Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1957; Алтай албатыныг кожонгдоры (Алтайские народные песни). Горно-Алтайск, 1959; Народные песни алтайцев. Горно-Алтайск. 1962 и др.

[15] С. Суразаков. Алтай албатыныг ооc поэтический творчествозы (Устное поэтическое творчество алтайского народа). Горно-Алтайск, 1960.

3. Исполнение, преклонив колено (чööдöп алала кожоңдооры). Этот вид исполнения народных песен встречается при обращении певца с песней к уважаемому человеку или близкому родственнику. Такая манера исполнения народных песен является самой древней. По сведениям историка Н. Я. Бичурина, тюрки, угощая друг друга кумысом, становились на колени и пели песни. О таком исполнении отмечалось в VI—VIII веках[16].

4. Песня наездника (атту кижиниң кожоңы). Такой вид исполнения встречается тогда, когда алтаец едет куда-либо по своим делам или в гости. Все эти виды исполнения народных песен сохранились до настоящего времени.

Исполнитель народных песен свое пение сопровождал аккомпанементом икили и язычкового инструмента комуса (варган). Кроме этих инструментов, у алтайцев имеются топшур, применяющийся при исполнении героического эпоса, шоор[17]. Все эти виды музыкальных инструментов бытуют у алтайцев с незапамятных времен. Они упоминаются в различных легендах, сказаниях, песнях.

До революции в Горном Алтае было распространено в основном сольное пение, хотя и были многоголосные песни. Однако необходимо отметить, что песенное творчество алтайского народа еще слабо изучено. До настоящего времени не изучена его тематика, художественная форма, национальная специфика и т. д. Поэтому разработка всех этих проблем является первоочередной задачей исследователей народных песен.

Работа над песенно-музыкальным творчеством алтайцев очень сложна, так как многие источники утеряны, а существующие материалы мало исследованы. Вопросам музыкальной культуры алтайцев посвящена лишь небольшая работа Б. М. Шульгина «О музыкальной культуре алтайцев» (Горно-Алтайск, 1968 г.), рассматривающая ладовое развитие музыки. В своей работе мы анализируем идейно-тематическое содержание и художественные особенности словесного песенного фольклора.

---

[16] История Сибири, т. I, Л., 1968, Изд. СО АН СССР, стр. 277—278.
[17] Шоор — духовой музыкальный инструмент.

ТРАДИЦИОННОЕ ПЕСЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО ГОРНОГО АЛТАЯ

В прошлом алтайские племена входили в состав древнетюркского каганата и подпадали под власть различных иноземных завоевателей, жестоко эксплуатировались джунгарскими феодалами.

Местные баи-феодалы, зайсаны, шаманы вместе с русскими чиновниками и попами-миссионерами грабили трудящихся алтайцев. Поэтому положение трудового народа до Великой Октябрьской революции по существу оставалось таким же, каким оно было и до вхождения алтайцев в состав Русского государства в XVIII в.

Песен, отражающих тяжелый путь, пройденный алтайским народом в прошлом, очень много. Эти песни поются печальным и протяжным напевом. В них нет прямых призывов к борьбе против угнетателей, но они выражают мечту народа о счастливой, свободной жизни, ненависть к своим угнетателям.

В алтайской народной песне отражена не только тяжелая жизнь трудящихся масс, но и показана природа, исторические события, труд и отдых, горе и радость, добро и зло, красота и уродство, роскошь и нищета — вся сложная и многообразная жизнь народа находит выражение в поэтическом творчестве. В своих песнях народ дает им оценку, исходя из своего мировоззрения. В конкретно-образной форме выражает то, что его волнует, что им глубоко пережито.

В создании песен принимали участие различные слои народа. Каждому из них свойственны определенные взгляды и отношения к окружающим явлениям, и потому каждый из них в песне отражал свою идеологию. В алтайском традиционном творчестве имеются песни, созданные в байско-феодальной среде («Тюремная песня Канза-бия») или по заказу служителей культа (песни бурханистов), и песни, сложенные в среде трудящихся масс. Баи и шаманы свои песни выдавали за народные и всячески старались их распространить среди простых алтайцев. Но песен, созданных в феодально-байской среде, сохранилось очень мало: они не получили широкого распространения. Большинство же песен являются подлинно народными, выражающими глубокий оптимизм народа, его веру в свои силы и свое будущее.

В старину алтайские народные песни исполнялись обычно от-

дельными певцами-импровизаторами. Имена таких певцов широко известны в той или иной местности. Например, в Челушманской долине большой популярностью пользовались певцы Калан и Колонди. Но у алтайцев были и хоровые, многоголосные песни. Элементы многоголосия присущи почти всем видам народных песен.

По своему идейно-тематическому содержанию традиционные песни алтайцев можно разбить на следующие виды: исторические, трудовые, свадебные, игровые, семейно-бытовые, приветственные, песни-насмешки, любовные, хвалебные, песни-состязания и т. д. По своей форме эти песни разделяются на длинные с протяжным напевом и короткие, типа русских частушек, с быстрой, бойкой мелодией.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ (ИСТОРИЧЕСКИЙ КОЖОҢДОР)

Самостоятельным жанром алтайского народного песенного творчества являются исторические песни, отражающие многовековую борьбу алтайского народа со своими внешними врагами. Таких песен у алтайцев когда-то, по всей вероятности, было много. Но к настоящему времени сохранилось лишь несколько песен, связанных с борьбой алтайцев с иноземными завоевателями. Эти песни играли большую роль в годы освободительной борьбы алтайцев с джунгарскими феодалами. На протяжении многих веков алтайские племена боролись за свою самостоятельность. Они подвергались жестоким набегам, которые сопровождались грабежами и уводом алтайцев в плен, приносили страдания людям:

Отык таштың келтейи
От айланып келер бе?
Олјого барган албаты
Ойто айланып келер бе?
Көгөрип чыккан көк чечек
Көлөткө јерден не чыгат?
Көрүжип өскөн бойыбыс
Көрүшпес јерге не барат?

Из камня-кремня
Выскочит ли искорка?
В плен угнанные люди
Вернутся ли обратно?
С зелеными листьями синий цветок
Почему в тени прорастает?
От рождения мы вместе росли,
От чего судьба нас разлучила?[1]

Сохранившиеся исторические песни алтайцев относятся к середине XVIII века. В них изображаются конкретные исторические лица и события, художественно обобщаются исторические факты. В то же время в этих песнях нашло отражение не только ненависть народа к своим врагам, но и любовь к Родине, героизм, смелость, справедливость, свободолюбие, гуманизм.

---

[1] Газ. «Алтайдың Чолмоны», № 175, 31 августа 1966 г. Перевод подстрочный.

Замечательным поэтическим художественным памятником этого времени является историческая песня о разорении Алтая «Кайран Алтай», созданная алтайским народом после жестокого сражения с китайско-маньчжурскими завоевателями. В этой битве алтайцы понесли большие потери. Тогда они, взойдя на высокую гору Jал-Мёнку (Вечная Грива) и видя Алтай опустошенным, сложили эту песню. В записи В. И. Вербицкого она звучит так:

Ӱстӱртинең көргӧндӧ,
Ӱч толыкту кан Алтай.
Тууразынаң көргӧндӧ,
Тогус булуңду кан Алтай.
Кajузынаң кӧргӧндӧ,
Камчы сынду кан Алтай.
Кайран Алтайым деп,
Калыгым каны тӧгӱлген!
Тоң будакту карагай
Тоңкойордоң jайлазын.
Тобул бӱткен Алтайым
Кеңкейердең jайлазын.
Как будакту карагай
Касталардаң jайлазын.
Кайран бӱткен Алтайым
Каңкайардаң jайлазын.
Кӱски конгон jуртыңа
Кӱрең чекпен тӧжӧгӧндий,
Кан Алтай!
(Когда посмотришь сверху.
Хан[2] Алтай кажется треугольным.
Если взглянешь на него со стороны,
Девятигранным кажется хан Алтай.
Если со ската горы смотреть будешь,
Как плеть расплетенная, тянутся

Хребты твои, хан Алтай!
За тебя, милый Алтай наш,
Много крови лилось!
Сосны твои стоят обнаженные от
зеленых ветвей.
Лучше бы не смотреть на такое
обнажение!
Прекрасно устроенный наш Алтай
опустошен.
Лучше бы не видать такого
опустошения!
Сосны, имеющие твердые ветви,
Обломленные стоят,
Лучше бы не видать такого оголения!
Мило устроенный наш Алтай
опустошен.
Лучше бы не видать такого
опустошения!
Как мрачная осень в жилищах твоих
Хан Алтай!
Словно коричневым сукном весь
покрыт ты,
Хан Алтай!
Лучше бы не видать нам такого
разорения![3])

Эта песня впервые была опубликована в 1869 году В. И. Вербицким в «Грамматике алтайского языка»[4], а потом в другом варианте — в его этнографическом сборнике «Алтайские инородцы». В 80-х годах XIX века «Песня о разорении Алтая» в поэтическом переводе академика А. Н. Веселовского появилась в газете «Восточное обозрение»[5]. Перевод В. И. Вербицкого в научном отношении лучше, чем перевод А. Н. Веселовского. Вербицкий в течение 37 лет жил среди алтайских племен, хорошо изучил их обычаи, нравы, прекрасно знал алтайский язык, написал

---

[2] *Хан*—правильнее должно быть слово *кан*, что означает величественный.
[3] В. И. Вербицкий. Алтайские инородцы. М., 1893, стр. 168. Перевод В. И. Вербицкого.
[4] Грамматика алтайского языка. Казань, 1869, стр. 204—205.
[5] Восточное обозрение. Иркутск, № 30, 28 июля 1883.

грамматику алтайского языка, составил алтайско-русский словарь. Его переводы правильно передают все особенности алтайского языка, полнее отражают содержание песни. Перевод Веселовского во многом не соответствует оригиналу, допускает некоторые вольности. Но он поэтичнее:

Царь-Алтай! С высоты кочевых облаков
Треугольным ты кажешься взору;
А с боков, словно грани их, девять углов
За горой выдвигают там гору.
Разветвился, как плеть, и извилист хребет
Чудных гор моего царь-Алтая!
Солнце всходит на нем и свершает заход,
Будто в синих волнах утопая.
Много крови лилось, много думалось дум
За Алтай мой — красу на пол-мира,—
Отчего же теперь ты стоишь так угрюм?
Где корона твоя и порфира?
Точно серым ковром ты окутался весь,
От роскошных лесов оголенный.
Где ж величье твое? Где краса твоя днесь,
О, Алтай мой, Алтай разоренный!

В начале XX века «Песня о разорении Алтая» была снова записана известным алтайским художником Г. И. Гуркиным и опубликована в Томске[6]. Под впечатлением этой песни в 1907 году художником была написана замечательная картина «Кан-Алтай».

Содержание и мелодия этой песни интересовали и других ученых. Так, знаменитый путешественник Семенов-Тян-Шанский в 1907 году писал, что «народное творчество алтайцев поражает разнообразием мотивов. Песни их поются обыкновенно заунывно и протяжно, начинаясь быстрой скороговоркой и оканчиваясь высоким и крутым обрывом. У них есть песни религиозные, любовные, есть много песен, прославляющих красоту Алтая, и среди них особенное впечатление производит песня (скорее плач) о разорении Алтая: «Лучше бы нам умереть, чем видеть своими глазами твое разорение, наш прекрасный Алтай...» — поют алтайцы. И глядя на этот богато одаренный, но беспощадно разоренный и разоряемый край и его народ, невольно хочется вторить этой песне»[7]. А. В. Анохин в 1907 году записал один из вариантов данной песни и переложил ее на музыку:

---

[6] Указатель выставки картин Г. И. Гуркина. Томск, 1907, стр. 2.

[7] Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Западная Сибирь. Спб. т. XVI, 1907. стр. 274. Под редакцией Семенова-Тян-Шанского.

Горно-Алтайская областная БИБЛИОТЕКА.

За милый Алтай
Много лилось крови!
Сосны, имевшие крепкие ветви,
Обезглавлены они, бедные!
Полный величия Алтай мой!
Опустошен он, несчастный![8]

Запись А. В. Анохина неполная, она отличается от первоначального варианта В. И. Вербицкого. Анохин эту песню назвал «Кан-Алтай», а не «Песней о разорении Алтая». Впоследствии она была напечатана в различных песенных сборниках и исследованиях[9].

В первые же годы Советской власти алтайцы стали слагать на ранее известные мотивы другие песни, отражавшие новые социальные взаимоотношения людей, старым песенным текстам придавать новый смысл. Так, различные варианты «Песни о разорении Алтая», записанные участниками фольклорной экспедиции в Улаганском, Кош-Агачском, Усть-Канском аймаках[10], отличаются от дореволюционных публикаций. В них отсутствует страдание, горе народа, не говорится об опустошении, разорении Алтая, а воспевается его величие, красота. С изменением жизни народа изменилось содержание этой песни и творчески переосмыслилась ее интонация, она стала отражать новую действительность.

«Песня о разорении Алтая» по своему содержанию и поэтическим особенностям относится к лучшим образцам алтайской песенной поэзии. Она была создана приблизительно в 1756 году после кровопролитной битвы алтайцев с иноземными завоевателями. Этот год в истории алтайских племен является поворотным пунктом — год добровольного вхождения алтайцев в состав Русского государства. Прогрессивное значение этого факта является бесспорным. Совместная жизнь кочевников Алтая с русским народом спасла их от новых опустошительных войн, дала возможность им спокойно жить и в какой-то мере поднять культуру и экономику. Все это также нашло свое отражение в народном творчестве, в частности, в исторических песнях.

Основным мотивом «Песни о разорении Алтая» является народное горе. Действительно, как правильно заметил Семенов-

---

[8] Архив А. В. Анохина. Горно-Алтайск, музей.

[9] А. М. Параев. Алтайские народные музыкальные инструменты. Горно-Алтайск, 1963, стр. 30; Б. М. Шульгин. О музыкальной культуре алтайцев. Горно-Алтайск, 1968, стр. 10.

[10] МНКЭ (Материалы научно-комплексной экспедиции), № 15-а. Хранятся в архиве Горно-Алтайского НИИИЯЛ.

Тян-Шанский, эту песню можно назвать плачем. Песня отражает многовековое страдание алтайских племен вследствие набегов на них крупных центральноазиатских племенных объединений. Чтобы ярко оттенить тяжелую борьбу народа с врагами, его горе, создатели песни строят ее на контрасте. В первой части описывается величие, красота Алтая, его неповторимая природа. Алтай *треугольный, девятигранный,* хребты его тянутся, как плеть. В песне показывается связь человека с природой, любовь алтайца к родному краю. Слову «Алтай» постоянно сопутствует эпитет *кан,* что значит по-алтайски величественный. Переводчики этой песни, по всей вероятности, не знали значение этого слова. В. И. Вербицкий и А. Н. Веселовский отождествляют его со словами *хан, царь.* Такой перевод дал повод некоторым исследователям делать неправильные выводы об этой песне. До сих пор можно услышать от отдельных людей, что эта песня прославляет «царский или ханский Алтай».

В поэтическом творчестве алтайских племен мы находим имена конкретных исторических людей. Они, в основном, относятся к джунгарскому периоду. Так, в фольклоре алтайцев мы встречаем имена Галдан-Церена, Шуну, Амыр-Санаа и других.

Особенно часто в фольклоре встречается имя Шуну. О нем сложены песни, легенды, имя его повторяется в различных вариантах героических сказаний алтайцев: Шуну, Шунуты, Шоноты. О нем упоминается в русских письменных документах: он был в Москве и Петербурге[11].

О Шуну и его подвигах бытует на Алтае много песен, их знают почти все сказители и певцы. Имя Шуну известно многим монгольским и тюркским народам: у алтайцев — Шуну баатыр, у бурят и калмыков — Шоно батор, у казахов — Шуна и т. д.

В народных песнях и легендах Шуну выступает как патриот. Но его патриотизм не замыкался только в узко местных рамках. Он стремился к сближению своей земли с Россией, к дружбе с русским народом; он с сочувствием относился к обездоленному народу. Поэтому народ воспел его в своих песнях, легендах.

Песни алтайцев о Шуну сложены в форме обращения народа к нему, чтоб он отомстил врагам за угон в рабство алтайцев и за разорение прекрасного Алтая.

Эти песни по содержанию близки к «Песне о разорении Алтая». Шуну в них выступает как защитник народа. Алтайцы говорят ему о том, что без него их разорили завоеватели, что он должен отомстить врагам, спасти алтайские племена от уничтожения:

---

[11] Л. П. Потапов. Героический эпос алтайцев. Советская этнография, № 1, 1949, стр. 121.

Сымылтыныҥ куjурын
Сыгын jиди, Шоноты,
Сыр jаҥарлу албатыҥ
Шырага барды, Шоноты.
Айулуныҥ куjурын
Ангдар jиди, Шоноты.
Ак jаҥарлу албатыҥ
Айдуга барды, Шоноты.
Агаштаҥ ойгон кабайыҥ
Jуртка калды, Шоноты.
Ак jаҥарлу албатыҥ
Айдуга барды, Шоноты.
Мöштöҥ ойгон кабайыҥ
Jуртка калды, Шоноты.
Сыр jаҥарлу албатыҥ
Шырага барды, Шоноты.

Симультинские[12] солонцы
Маралы съели, Шоноты.
Весело поющий твой народ
Угнали в рабство, Шоноты.
Аюлинские[13] солонцы
Звери съели, Шоноты.
Радостно поющий твой народ
Угнали в рабство, Шоноты.
Из дерева долбленая люлька твоя
В юрте осталась, Шоноты.
Счастливо живущий твой народ
Угнали в рабство, Шоноты.
Из кедра сделанная люлька твоя
В юрте осталась, Шоноты.
Мирно живущий твой народ
В рабство угнали, Шоноты[14].

Шуну был особенно популярным историческим лицом среди южных алтайцев. Северные алтайцы почти не знают песен о нем. В песнях о Шуну упоминаются места Симульта и Аюла, которые находятся в Шебалинском (бывшем Эликманарском) аймаке, на расстоянии около пятисот километров от южных границ области, где песни о нем особенно распространены.

Другая песня о Шуну по своему содержанию прямо противоположна первой. Если в первой песне отражается страдание народа, опустэшение «величавого Алтая», то вторая песня посвящена победе алтайских племен под предводительством Шуну над своими врагами. В первой части говорится о том, что Шуну надежно охраняет свой народ, скот, зверей, птиц от врагов, а во второй части он выступает как победитель, является грозой для захватчиков:

...Сузуп ичер сууларга
Мал сугарган Шунуты.
Сунуп базар Алтайга
Албаты салган Шунуты.
Агаш-ташту Алтайга
Аҥ божоткон Шунуты.
Куу башту кырларга
Куш божоткон Шунуты.
Одус сӱмер бажына
От тӱжӱрген Шунуты.
Олjолоп келген öштӱге
Чак тӱжӱрген Шунуты.
Jаан тайга бажына
Jалбыш салган Шунуты.

На хорошем водопое
Скот поил Шунуты.
На обширном Алтае
Народ поселил Шунуты.
На таежном Алтае
Зверей размножил Шунуты.
На белоснежных горах
Птиц размножил Шунуты.
На вершине тридцати гор
Огонь разжег Шунуты.
Для пришедших полонить
Всегда грозой был Шунуты.
На вершине высокой горы
Пламя разжег Шунуты.

---

[12] Симульта — название местности.
[13] Аюла — название местности.
[14] МНКЭ. № 13, 1959 г., Кош-Агачский район. Хранятся в Горно-Алтайском НИИИЯЛ. Песня записана Бабаяковым Н. А. от Куртина Гр. Перевод подстрочный.

Јуулап келген öштүге	Пришедшим к нам с войной
Чагын салган Шунуты.	Силу показал Шунуты.
Айаң башту кырларын	За белоснежными горами
Аjыктап jүрген Шунуты.	Всегда наблюдал Шунуты.
Албатызын jеткерден	Свой народ из беды
Айрып jүрген Шунуты.	Всегда выручал Шунуты[15].

Исторические песни алтайцев складывались не как воспоминания о тяжелом прошлом, а как непосредственная реакция на происходящие исторические события и получали распространение, начинали жить в различных вариантах. Многообразие вариантов отражает не только сложный путь исторической песни в ее позднейшем бытовании, но и ее активную жизнь в той обстановке, когда она была еще очень актуальна по своему острому историческому содержанию. Поэтому мы можем утверждать, что исторические песни алтайцев в основном были сложены в XVIII веке.

Разумеется, нельзя думать, что позднейшие записи вариантов исторических песен точно отражают содержание песен того времени. Песня — живое явление, и она не может переходить от поколения к поколению без каких-либо изменений. Например, «Песня о разорении Алтая» до нас дошла в семи различных записях. Так, И. П. Яунзем в 30-х годах из этой песни опубликовала только две строфы, причем с добавлением других слов. В музыкальной обработке В. Месснера из одноголосной песни она стала четырехголосной. Перевод на русский язык, сделанный Т. Сикорской, не соответствует оригиналу. В переводе указывается «славный советский Алтай, мой Алтай»[16].

В записи алтайского художника Г. И. Гуркина и в рассказе писателя В. Я. Шишкова «Прокормим» (1942) мы обнаружили первые шесть строк этой песни. Данные варианты близки к оригиналу в записи В. И. Вербицкого. Но опять-таки неполные, причем даны только на русском языке.

На Алтае в свое время была известна песня «Канза-бий»[17], сложенная в байско-феодальной среде. Крупные феодалы, недовольные присоединением алтайцев к России, враждебно относи-

---

[15] МНКЭ, № 15-а, Горно-Алтайский НИИИЯЛ, л. 83—84. Песня записана в Кош-Агачском аймаке в 1959 г. Тадыкиным В. Н. от Марковой Бай. Перевод подстрочный.

[16] Сб. Песни народов СССР, вып. 4, М., Музгиз, 1950, стр. 42—44.

[17] Впервые ее опубликовал В. В. Радлов в «Образцах...» (СПб, 1866, ч. 1. стр. 198—200); потом она была помещена в книге В. И. Вербицкого «Алтайские инородцы» (М., 1893, стр. 168—173); в 1911 году эту песню вновь записал А. В. Анохин (Архив А. В. Анохина, магнитофонная кассета № 11, песня № 154, ГАНИИИЯЛ).

лись к этому событию. В данной песне они представили Канзу как народного героя-страдальца, попавшего в русскую тюрьму.

Еще в 30-х годах XX века, как это утверждает известный сибирский писатель А. Л. Коптелов, «иногда приходилось слышать такие восторженные возгласы: «Ах, какие песни поет Канза в тюрьме!». Не обращая внимания на то, что эти песни чужды народу, отдельные литераторы... были готовы принять Канза-бия за народного героя. На тему о Канзе-бие даже была заказана пьеса для театра. К счастью, она не увидела света»[18].

Алтайские народные исторические песни по сравнению с другими видами песен — явление позднее, поэтому создатели их опирались на предшествующую традицию и своеобразно использовали то богатство поэтических образов и форм, которые к этому времени уже были созданы предшествующими поколениями.

ТРУДОВЫЕ ПЕСНИ (ИШТИҢ КОЖОҢДОРЫ)

Трудовые песни — один из наиболее богатых и своеобразных видов алтайской народной поэзии. В них наряду с тяжелой жизнью бедняка, отражаются лучшие думы, стремления и чувства народа, широко охватываются все стороны его трудовой деятельности.

В древности люди думали, что можно воздействовать на природу с помощью различных поэтических формул, слов, песен. Человек обращается к природе, упрашивает ее, чтобы она способствовала появлению хороших трав, помогла человеку заготовить необходимые корма для скота. Эту мысль он в песне выражает словами: «ӧлӧҥ кӧп болзын», «аш-курсак ар-бӱткеннеҥ кӧп бӱтсин» «пусть травы будет много», «пусть ягод много растет»).

В трудовых песнях алтайцев встречаются призывы к дружной и коллективной работе: совместной охоте, заготовке кормов, к борьбе с силами природы и т. д. Слова-призывы (иштейлик, кӧдӱрелик, јеҥелик и т. д. — поработаем, поднимем, победим и т. д.) в известной мере облегчали труд человека. Однако с развитием сознания людей, на основе их практической деятельности, обращение человека к силам природы постепенно стало утрачивать первоначальную функцию. Некоторые древние элементы, связанные с трудовыми интересами людей, сохранились в современных песнях алтайцев, хотя цели и задачи их изменились с изменением жизни алтайского народа. Но все же ведущей темой в этих песнях

---

[18] Сб. Вопросы развития алтайского языка и литературы (Материалы научной конференции, 1951 г.). Горно-Алтайск, 1954, стр. 95.

является труд. Тема труда раскрывается в прославлении мастеров своего дела.

Поются эти песни коллективно, протяжно, тихо. Иногда исполняется только мелодия без текста. Содержание песни, мелодия всегда соответствуют условиям работы и настроениям исполнителей. Как известно, алтайцы до революции жили в войлочных аилах. Поэтому приходилось катать войлок. Каждая семья старалась иметь его побольше. В «Песне кательщиц войлока» говорится, что войлок катали из хорошей шерсти и отделывали его со всех сторон материалом:

Алтан койдың түгинең
Кийис базып алалык.
Айландыра чүрмейле,
Ширдек эдип алалык.
Төртөн койдың түгинең
Кийис базып алалык.
Төрт талазын чүрмейле,
Ширдек эдип алалык.

Из шерсти шестидесяти овец
Мы войлок скатаем.
Кругом его украсим —
Сделаем ширдек[19].
Из шерсти сорока овец
Мы войлок скатаем.
С четырех углов украсим —
Сделаем ширдек[20].

Близко к песне кательщиц войлока примыкают песни швей. По форме и тематике они почти не отличаются от песен кательщиц и различаются только по цели выполняемых работ:

Кой балазын азырап,
Мал эдейин деп турбай.
Корокой тон көктөп,
Балам кийзин деп турбай.
Мал балазын азырап,
Мал өскүрер деп турбай.
Мандык торко тон көктөп,
Балам кийзин деп турбай.

Выкормив ягненка,
Хочу из него сделать овцу.
Из овчины шубу сошью,
Чтобы ее носили дети.
Вырастив жеребенка,
Хочу из него сделать коня.
Из шелка пальто сошью,
Чтоб его носили дети[21].

Особенно трудной работой была выделка шкур и кожи. Женщин, которые выделывали шкуры, алтайцы называют людьми с «золотыми руками». От их способности зависит качество выполняемой работы. Часто плодами ее пользовались баи, зайсаны, шаманы. За долги простые алтайские женщины днями и ночами выделывали шкуры животных, из которых для баев делали дорогие шубы. Алтайские женщины в песнях так говорили о своей тяжелой работе:

---

[19] Ширдек — войлочный ковер, украшенный аппликациями.

[20] Народные песни алтайцев. Горно-Алтайск. 1962, стр. 60. Перевод подстрочный. Песня записана в с. Ело Онгудайского аймака от Чекурашевой Ерте в 1954 г.

[21] Устное народное творчество алтайского народа. Горно-Алтайск, 1961, вып. 1, стр. 20—21. Перевод подстрочный. Песня записана в с. Кызыл-Мааны Кош-Агачского аймака от Тадыровой У. в 1959 г.

Койдың кату терезин
Jымжак эткен ус колым.
Курсактаң аштап jӱрбеске,
Иш бӱдӱрген ус колым.
Ӧлӱдең калың булгайры
Кеjим эткен ус колым.
Ӧзӧтим куру jӱрбеске,
Курсак тапкан ус колым.

Грубую шкуру овцы
Мягкой сделали умелые руки мои.
Чтобы не жить впроголодь.
Работу выполнили умелые руки мои.
Из толстой булгайры[22]
Чепрак сделали умелые руки мои.
Чтобы я не голодала,
Пищу добывали умелые руки мои[23].

Песня построена на образном параллелизме и отличается протяжной мелодией.

Своеобразным циклом трудовых песен алтайцев являются пастушьи песни (малчыныҥ кожонгдоры). Они, как и многие другие песни, исполняются индивидуально. В них отражен труд пастуха, его отношение к этому труду, который воспринимался двояко: труд для себя и труд для бая, зайсана, шамана.

В пастушьих песнях много лиризма, задушевности, ярких образных выражений. Однако труд пастухов был очень тяжелым, поэтому в их песнях много горести и печали. Отчетливо звучит в них и тема социальной несправедливости:

Тайҕаларды кериген
Амыр билбес малчы мен.
Таҥ атканча jӱретен
Уйку билбес малчы мен.
Канча jылга чыгара
Кату ишти истедим.
Канча байга соктыртып,
Калактап jӱрӱм эмди мен...
Кайыҥ агаш будагы
Касталганча, сынза торт.
Кыйынду jӱрӱм jӱргенче,
Ӧлӱп калза, онызы торт.
Тыт агаштыҥ будагы
Эҥчейгенче, сынза торт.
Шыралу jӱрӱм кӧргӧнчӧ,
Ӧлӱп калза, онызы торт.

Много гор избродил —
Не знающий покоя пастух.
До утра я езжу —
Не знающий сна пастух.
В течение многих лет
Трудную работу выполнял.
Многие баи меня били —
Теперь я хожу и плачу[24]...
Чем сучьям березы гнуться,
Лучше им сломаться.
Чем мучительной жизнью жить,
Лучше умереть.
Чем сучьям лиственницы гнуться,
Лучше им сломаться.
Чем страданья выносить,
Лучше умереть[25].

В трудовых песнях алтайцев нашло отражение и эстетическое чувство человека, вызванное прекрасной природой. Природа в них как бы одушевлена, очеловечена. Героям песен свойственен

---

[22] Булгайры — кожа особой выделки.

[23] П. Кучияк. Избр. произведения (на алтайском языке). Горно-Алтайск, 1967, стр. 279. Перевод подстрочный. Песня записана П. Кучияком у М. Сураковой в с. Сайдыс в 1936 г.

[24] Песня записана в с. Яконур Усть-Канского аймака от Кокпоевой Казак в 1967 г. Перевод подстрочный.

[25] Сб. Алтай албатыныҥ кожонгдоры (Алтайские народные песни). Горно-Алтайск, 1959, стр. 92. Перевод подстрочный. Песня записана в с. Бело-Ануй Усть-Канского аймака от Борбуева А. М. в 1937 г.

образный характер мышления, чем-то перекликающийся с образами героических сказаний. Напевы этих песен широкие, жизнерадостные, а у некоторых — быстрые и стремительные; в них богатая импровизаторская фантазия и искусство варьирования мелодии.

К трудовым песням относятся и охотничьи песни. Охота, наряду со скотоводством, была основным занятием алтайских племен.

Весь охотничий процесс нашел отражение в народных песнях и сказаниях. У алтайцев существовало поверье, что каждая гора имеет своего «хозяина» и чтобы охота была удачной, не нужно огорчать его. Считалось, что «хозяин» горы любит слушать сказки, песни. Заслушавшись их, он оставляет зверей без присмотра, и те становятся добычей охотников, а иногда в благодарность за сказки и песни сам посылает богатую добычу. Поэтому охотники брали с собой в тайгу певцов и сказителей.

Вот некоторые образцы охотничьих песен:

Узун куйрук суй салып,
Камду кечпеен суу бар бет?
Узун тайак тайанып,
Бис jўрбеен jер бар бет?
Узун тырмак мокорып,
Айу чыкпаан мöш бар бет?
Узун бычак кынданып,
Бис öтпööн jыш бар бет?
Кабыргалар кайыжып,
Куран ичпеен суу бар бет?
Кöнгöй мылтык тудунып,
Бис чыкпаан туу бар бет?
Туйук тумчук тулукшып,
Борсук каспаан jер бар бет?
Тузак-чакпы тудунып,
Бис куубаган сын бар бет?
Кату торсык калтырап,
Кочкор баспаан таш бар бет?
Кату сагыш сананып,
Бис ашпаан кыр бар бет?
Айры туйгак уладап,
Аң баспаан jер бар бет?
Ак сагышла амадап,
Бис сеспеен аң бар бет?

Опираясь на длинную палку?
Есть ли кедр, на который медведь
не лазил,
Длинные когти свои притупляя?
Есть ли тайга, которую мы
не проходили,
Имея длинный нож в ножнах?
Есть ли река, из которой козел не пил,
Раздувая свои ноздри?
Есть ли гора, на которую мы
не поднимались,
Крепко держа ружье в руке?
Есть ли такое место, где барсук
нору не рыл
Острым своим носом?
Есть ли гора, на которую мы
не поднимались,
С петлями и капканами в руках?
Есть ли камень, на который горный
баран не ступал,
Ноги свои утомляя?
Есть ли гора, которую мы
не обходили,
Крепкую думу думая?
Есть ли такое место, где марал
не ходил,
Копыто свое притупляя?
Есть ли зверь, которого бы мы
не знали,
Охотясь в дремучей тайге?

* * *

Есть ли река, которую выдра
не переплывала,
Длинный хвост свой вытянув?
Есть ли места, в которые мы
не ходили,

* * *

Кишти болзо каралай
Кетеп јўрўп атканыс.
Ангды болзо семистей
Агырт туруп тутканыс.
Кушты болзо, куркундай
Кулузын окло атканыс.
Койон болзо колтуктай
Корголјын окло атканыс.
Јылан јылбас јырааны
Јылгажактап өткönис.
Бöднö кирбес аралды
Бököйип алып өткönис.
Суукуш јўзўп кеч албас
Сууларды кечкенис.
Койон мангтап ажалбас
Корум таштыы ашканыс.

Черного соболя мы
Из укрытия стреляем.
Жирного марала,
Преследуя, стреляем.
Птиц по крыльям
Из лука стреляем.
Зайца косоглазого наверняка
Мы свинцовой пулей стреляем.
Непроходимый кустарник
Мы ползком проходили.
В заросли,
Куда перепелка не смеет входить,
Мы, сгорбясь, входили.
Где утка не может переплыть,
Мы переплывали.
Там, где заяц не пробежит,
Мы проходили.

* * *

Тўлкў бöрўк бар эди,
Тўги болзо торкодый.
Тўктў чана бар эди,
Тўргени оныг салкындый.
Агас тоным бар эди,
Алды оныг киш эди.
Анчы ийдим бар эди,
Азу тижи курч эди.
Чечкелеген эт бар эди,
Аштай берзе, јигедий.
Чечен мылтык бар эди,
Айу-бöрў аткадый.

* * *

Лисья шапка у меня есть,
Шерсть ее словно шелк.
Лыжи у меня есть
Быстрые, словно ветер.
Горностаевая шуба у меня есть,
Подклад ее из соболя.
Охотничья собака у меня есть
С острыми клыками.
Копченое мясо с собой имею,
Проголодаюсь — покушаю.
Меткое ружье с собой имею,
В медведя и волка стрелять.

* * *

Алтай јерим бар эмей,
Ангдар-куштар тургадый.
Анчы јоным бар эмей,
Алу болзо, тапкадый.

* * *

Есть на Алтае хорошие места,
Где могут водиться различные звери.
Охотников на Алтае много,
Которые могут пушнину добыть[26].

В приведенных песнях хорошо показан внутренний мир охотника. Он не только хороший стрелок, прекрасный знаток повадок зверей, он любит свое занятие, полностью отдается ему. Он всегда жизнерадостен и весел, хотя охота всегда была трудным делом.

Охотника обманывали не только зайсаны, баи, но и русские торговцы. Они приносили нищету в его семью. Скупка пушнины

---

[26] Песни записаны в Кош-Агачском аймаке в 1959 г. Тадыкиным В. Н. Оригиналы хранятся в ГАНИИ ИЯЛ. Перевод подстрочный.

была основана на жесточайшей эксплуатации бедняков-алтайцев. Обо всем этом народ рассказал в песнях:

Я скажу вам так, друзья мои:
— Кто пройдет всю землю до конца?
Кто увидит ноги у змеи?
Кто отыщет честного купца?

Не трудитесь зря, друзья мои!..
Не пройдешь всю землю до конца,
Не увидишь ноги у змеи,
Правды нет у жадного купца![27]

Хорошо знавший дореволюционную жизнь алтайцев сказитель Н. У. Улагашев в советское время говорил в стихотворении «Два закона»:

...Царь-грабитель, зайсан да бай
Всем владели, чем край наделен.
Для народа — кандык да калба [28],
Тяжкий труд и болезни — закон...[29]

СЕМЕЙНО-БЫТОВЫЕ ПЕСНИ

Свадебные песни (тойдың кожоңдоры)

Свадебный обряд алтайцев сопровождался песнями. Приезжали ли сваты сватать девушку, приводили ли молодых в новый аил, расплетали ли невесте косу — к каждому действию приурочивалась специальная песня.

Брак у алтайцев в прошлом мог заключаться с согласия невесты и без её согласия — в результате умыкания.

Знакомство молодых людей начиналось на оинах (играх). Через песни они выражали свои чувства.

В первом случае юноша обращается ко всем девушкам, выделяя возлюбленную:

Чиби, чиби, чибилер,
Чибилердиң јаражын!
Чийик кара кабакту
Ӱӱрелердиң јаражын!
Кайың, кайың, кайыңдар,
Кайыңдардың јаражын!
Кара чийик кабакту
Бу кыстардың јаражын!

Ель, ель, ели,
Как красивы ели!
С тонкими черными бровями
Как красивы девушки!
Береза, береза, березы,
Как красивы березы!
С тонкими черными бровями
Как красивы эти девушки![30]

---

[27] Сб. Песни Ойротии. Новосибирск, 1938, стр. 119. Перевод В. Непомнящих.

[28] Кандык да калба — растения, употребляемые в пищу.

[29] Сб. Великая дружба. Горно-Алтайск, 1956, стр. 92. Перевод А. Сотникова.

[30] Сб. «Народные песни алтайцев». Горно-Алтайск, 1962, стр. 83. Песня записана в Онгудайском аймаке от Чекурашевой Эрте в 1956 г. Перевод подстрочный.

Девушки дружелюбно отвечают на песню юноши:

Арканы төмөн тўжерде,
Арказы тўнгей сыгындар.
Амыргылап келерде,
Ўни тўнгей ўўрелер.
Кобыны төмөн тўжерде,
Колы тўнгей конгырлар.
Кожонгдожып келерде,
Ўни тўнгей ўўрелер.

Когда по склону горы спускаются,
Спины одинаковы у маралов.
Когда с песней едут, —
Голоса одинаковы у парней.
Когда по ложбине спускаются, —
Ноги одинаковы у лошадей.
Когда с песней едут, —
Голюса одинаковы у парней[31].

После этого парень, выждав удобный момент, объясняется в любви:

Меес јердиҥ өлөҥи
Бештеҥ салган торкодый.
Бери јанындагы көөркий
Мөҥүн кошкон јўстўктий.
Арка јердиҥ өлөҥи
Алтыдаҥ салган торкодый.
Ары јанындагы көөркий
Алтын кошкон јўстўктий.

Трава на крутом склоне горы
Мягка, как шелк в пять рядов.
Девушка, стоящая с этой стороны,
Красива, как серебряный перстень.
Трава на пологой стороне горы
Мягка, как шелк в шесть рядов.
Девушка, стоящая с той стороны,
Красива, как перстень золотой[32].

Если девушка любит парня, то она дает знать об этом также песней. Обычно такую песню девушка поет одна или при подругах:

Кайра чыккан өзөктөҥ
Кадынга једер өзөк јок.
Кара јалбак кабакту
Сеге једер уул јок...

Из всех рек Алтая
Лучше Катуни нет реки.
Из черноглазых парней
Лучше тебя нет на свете...[33]

Такое взаимопонимание девушки и парня бывает в том случае, когда они знают друг друга и встречаются на оинах. Получив согласие девушки, парень говорит о своем намерении жениться родителям. И если родители согласны, то отправляют сватов в дом невесты. Цель своего приезда сваты передают через песню:

Кара таштыҥ бажынаҥ
Карчага тўшти јем сурап.
Кара тажуур койтылдап,
Куда келди кыс сурап.

Кызыл таштыҥ кырынаҥ
Кыйгылык тўшти јем сурап.
Кызыл тажуур кыйтылдап,
Куда келди кыс сурап.

---

[31] Сб. Народные песни алтайцев. Горно-Алтайск, 1962, стр. 82. Перевод подстрочный. Песня записана в с. Усть-Коксе от Мухтаровой А. в 1937 г.

[32] Сб. Народные песни алтайцев. Горно-Алтайск, 1962, стр. 100. Перевод подстрочный. Песня записана от Вл. Дьекенова в 1936 г. в г. Горно-Алтайске.

[33] Запись автора.

С вершины черной скалы
Ястреб слетел в поисках добычи.
С черным ташауром[34] сваты
приехали,
Чтоб девушку сосватать.

С края красной скалы
Коршун слетел в поисках пищи.
С красным ташауром сваты приехали,
Чтобы девушку сосватать.

Если родители невесты согласны на брак дочери, то они поют ответную песню:

Карана бажы јайканып,
Чечектеп келген — јаражын.
Кара тажуур тудунып,
Куда келген — јакшызын.
Кызылгат бажы чечектеп,
Бижып келген — кызылын.
Кызыл тажуур койтылдап,
Кудам келген — јакшызын.

Как верхушка акации
Красиво расцвела,
Так с черным ташауром в руках
Пришли мои сваты — как хорошо!
Как ягоды красной смородины
Наливаются соком,
Так с красным ташауром в руках
Пришли мои сваты — как хорошо![35]

В цикле свадебных песен имеются такие, которые отражают бесправную женскую долю, горькую зависимость молодых от родителей, от богачей. Ведь многие девушки выходили замуж по воле родителей за человека незнакомого, нелюбимого или старого, но богатого. Когда у богачей не хватало рабочих рук, они женили своих сыновей на взрослой девушке, которая превращалась в работницу в доме свекрови. С. Швецов в 1898 году писал: «В Горном Алтае мне приходилось видеть «мужей» 8—7 лет от роду, и такие мужья имели женами взрослых женщин»[37].

Во время сговора между двумя семьями шла своеобразная торговля. Родители девушки старались получить как можно больше калыма, а родители жениха пытались отдать как можно меньше. Часто несостоятельные родители невесты были вынуждены отдать свою дочь в богатую семью за незначительный калым или за долги.

Попав в такую семью, девушка фактически становилась рабыней. Тяжелое положение женщины в патриархальной семье отражено в свадебных песнях:

---

[34] Ташаур — кожаный сосуд для араки.
[35] Сб. Народные песни алтайцев. Горно-Алтайск, 1962, стр. 74. Песня записана от Чинатова Калбана в с. Каспе в 1954 году.
[36] Там же, стр. 75. Песня записана от Чунижекова Ч. А. в Горно-Алтайске в 1958 году.
[37] С. Швецов. Обычно-правовые воззрения алтайцев и киргиз. Брачные и семейные отношения. РГО, Омск, 1898, стр. 8.

Кулун малды азыран,
Куйругын кеспес болзо чы.
Кайран бойымды чыдадып,
Кулга бербес болзо чы...
Кӧк кыйулу бу пладым
Кӧгӧрӧ онгды, кайдайын.
Кӧӧркий бала мен бойым
Кулга тӱштим, кайдайын...

Жеребенка выкормив,
Не обрезали бы хвост.
Нас, несчастных, вырастив,
В рабы не отдавали бы...
Мой платок с синей каймой
Полинял совсем, как мне быть.
Несчастная я девушка
Рабой стала, как мне быть...[38]

С тяжелым чувством говорит девушка, что ей придется расстаться со своей волей, подчиниться не только мужу, но и его родителям. Песня ярко отражает бесправное положение алтайской женщины: ее можно было продать или купить, как вещь, ее не считали за человека. «Не подлежит сомнению, — писал П. Лафарг, — что печаль, испытываемая женщиной при мысли о браке, ощущалась ею глубоко и искренне, ибо народная песня не есть порождение праздной и неискренней фантазии, и чувства, которые она выражает, — не искусственные вымыслы»[39].

Свадебные церемонии у алтайцев делятся на сватовство, сговор, свадьбу, прощание. Во время свадьбы происходят обряды «чач јарар» (заплетают две косы девушке и закидывают их назад) и «чегедек кийдирер» (надевают чегедек — символ замужества). В это время гости поют напутствующие песни о счастливой жизни новой семьи:

...Эки агашка не керек?
Ээлте тартар бӱр керек.
Эр балага не керек?
Эш нӧкӧри ол керек.
Кайыг агашка не керек?
Кайра тартар бӱр керек.
Кыс балага не керек?
Кару нӧкӧри ол керек...

...Что нужно двум деревьям?
Сгибающие ветки листва нужна.
Что нужно парню?
Подруга жизни нужна.
Что нужно березе?
Листва хорошая нужна.
Что нужно девушке милой?
Любимый друг ей нужен...[40]

После заплетения косы невесте начинаются свадебные торжества, сопровождающиеся застольными песнями. Родственники невесты поют о том, что они девушку отдали в хорошую семью, а родственники жениха в своих песнях восхваляют семью невесты:

Ак ташты јакалай көп бастым,
Ак таштаҥ јарык таппадым.
Алты аймакка көп јӱрдим,
Слердий төрӧгӧн таппадым.

У белого камня много ходил,
У белого камня щели не нашел.
У шести народов много ходил,
Лучше вас родни не нашел.

---

[38] Народные песни алтайцев. Горно-Алтайск, 1962, стр. 61. Песня записана И. Тантыевым в долине Челушмана в 1936 г. Перевод подстрочный.

[39] П. Лафарг. Очерки по истории первобытной культуры. М. 1927, стр. 64.

[40] Сб. Народные песни алтайцев. Горно-Алтайск, 1962, стр. 78. Перевод подстрочный. Песня записана в с. Улагане в 1950 г. от Калкина А.

Көк ташты јакалай көп бастым,
Көк таштаҥ јарык таппадым.
Көп аймакка көп јўрдим,
Слердий төрөгөн таппадым.

У синего камня много ходил,
У синего камня щели не нашел.
У многих народов много бывал,
Лучше вас родни не нашел[41].

Второй день свадьбы называется «байтал-баш», т. е. варка головы животного, предназначенного для торжественного случая. Рано утром начинают варить оставшееся мясо с костями и головой животного. После этого присутствующие поют:

Агарып таҥ адыптыр,
Ак байтал бажы быжыптыр.
Ак байтал бажы кайнаганда,
Алтын столго јуулыгар.
Көгөрип таҥ адыптыр,
Көк байтал бажы кайнаптыр.
Көк байтал бажы бышканда,
Көк столго јуулыгар.

Ясная заря осветилась,
Белой кобылицы голова сварилась.
Кобылицы голова сварилась —
Собирайтесь к золотому столу.
Голубая заря осветилась,
Голубой кобылицы голова сварилась.
Кобылицы голова сварилась —
Собирайтесь к синему столу[42].

На обряд «байтал-баш» приглашаются старые и почетные люди с той и другой стороны. Они окончательно закрепляют брак и завершают свадьбу. Свадьба кончается «алкыш сөсөм» («благословением»):

Төстөк јерге айыл тут,
Төбөө јерге мал сал,
Алын эдегинге бала бассын,
Кийин эдегинге мал бассын,
Конгон јериҥ кокту болзын,
Кобыда малыҥ көп болзын...

На высоком месте поставь юрту,
На горном месте пусть пасется
твой скот,
Впереди твоей полы пусть ходят
дети,
Позади полы пусть скот ходит,
Пусть годы твои длинны будут,
Пусть скота твоего на лугах будет
много...[43]

В «алкыш сөс» иногда встречается выражение «пусть вас благославит бог». Слово *бог* (кудай) здесь выражает простое пожелание молодым людям жить счастливо и радостно. Вообще в свадебном обряде и в песнях алтайцев почти нет религиозности; все ситуации семейной жизни, положение женщин в семье мужа объясняются реалистически, во всем проявляется здравый смысл. Реалистическое мировосприятие алтайцев в семейном обряде сказывается и в том, что свадебный обряд и песни, как и

---

[41] Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР, вып. 1, Л., 1926, стр. 243. Запись и перевод А. Ефимовой.

[42] Там же, стр. 244—245.

[43] Сб. Алтай албатыныҥ чўмдў сөстөри (Устное народное творчество алтайского народа), вып. 3, Горно-Алтайск, 1963, стр. 21. Перевод подстрочный. Благословение записано В. М. Чичиновой в с. Беш-Өзөк Шебалинского аймака в 1956 г.

другие виды народной поэзии, ярко, конкретно отражают «чаяния и ожидания народные» (Ленин).

Свадебные песни алтайцев диалогичны. В их исполнении участвуют несколько групп людей. С одной стороны — родственники жениха, а с другой — родственники невесты. При этом основную роль играют сваты жениха. Они исполняют хвалебные и величальные песни, адресованные родителям и родственникам невесты. Песни сватов должны быть хорошо продуманными, слова в них должны отличаться четкостью, выразительностью, убедительностью. Песню поют протяжно, но в бойком и веселом тоне. Сватами выбираются лучшие певцы, знатоки свадебных обрядов. Их песни должны склонить родителей невесты и невесту к согласию на брак.

Основной целью песен родителей невесты является просьба к новой семье, чтобы она хорошо относилась к их дочери. Для этого они песнями как бы уговаривают родителей жениха, хвалят их за то, что они будут навечно близкими родственниками, будут уважать и помогать друг другу.

Хотя большинство свадебных песен исполняется в унисон, при групповом пении мы наблюдаем элементы многоголосия. Это подтверждают нотные записи свадебных песен.

Песни, исполнявшиеся во время свадебного обряда, разнообразны по тематике, они высоко поэтичны. Главное внимание этих песен обычно сосредоточено на изображении девушки, вступающей в брак. Песни полны сочувствия к невесте. Ее называют «кайран көөркий» («милая»), сравнивают с золотом, серебром, яркими красивыми цветами и т. д. В песнях раскрывается душевный мир, богатство чувств человека, его высокие моральные качества, свободолюбие.

Кроме песен, в свадебном обряде встречаются меткие афористические выражения, пословицы и поговорки, хвалебные слова. Все это придает свадьбе торжественность, возвышенность, поэтичность.

Величальные песни (мак кожонгдор)

Значительное место в алтайском песенном творчестве занимают величальные песни, прославляющие красоту Алтая, его природу, восхваляющие родственников, друзей и т. д. Особенно большой популярностью пользовались и поныне пользуются песни, выражающие высокие патриотические черты характера трудового алтайского народа, его любовь к родной земле.

У каждого человека все мечты и надежды связаны с родиной, с родной природой. Не случайно в песнях алтайцев этого цикла

дорогие с детства родные места рисуются в близких сердцу каждого человека образах матери-родины, богатой, плодородной земли. Подтверждением вышесказанного может служить песня об Алтын-Кёле (о Золотом озере).

Озеро Алтын-Кёль воспето во многих народных песнях. О нем сложены многочисленные легенды. Все прекрасное на Алтае народ связывает с Алтын-Кёлем. О его богатстве, красоте наиболее распространены и любимы народом две песни: «Ак туманы јайылган...» («Как прекрасно Золотое озеро, по которому стелется белый туман») и «Тууразынанг көргөндө...» («Если смотрю со стороны...»). Первая песня была опубликована В. И. Вербицким в «Грамматике алтайского языка» в 1869 году. Он записал два куплета этой песни. По всей вероятности, в то время она состояла из двух четверостиший. Но в последующие годы к этой песне были добавлены третий и четвертый куплеты и внесено незначительное лексико-грамматическое изменение. Приведем вариант этой песни в записи В. И. Вербицкого:

Ак туманы јайылган
Алтын-Көлдинг јаражын!
Албатызын азыраган
Аныг балыгы татузын!
Туйук кара јыш бүткен
Тууларынын јаражын!
Турган улузын азыраган
Турлу анги семизин!..

Как прекрасно Золотое озеро,
По которому стелется белый туман!
Как вкусна рыба его,
Которой оно питает народ!
Как прекрасны горы его,
Поросшие сплошным черным лесом!
Как тучны стада зверей,
Которыми оно питает народ!...[44]

В записи Т. Сыркашева (1936 год) эта песня состоит из четырех четверостиший. Данная запись не отличается от первой.

Связь человека с природой, его отношение к ней особенно ярко отражена во второй песне об Алтын-Кёле, которая до сих пор популярна:

Тууразынанг көргөндө,
Учы көрүнбес Алтын-Көл.
Устинен төмөн көргөндө,
Күскүдий јараш Алтын-Көл.
Айландыра турган туулар
Көрып турган шибеедий.
Түбиндеги балыктар
Тенгерининг булудындый.
Јылдыстар сенинг толкуунга
Качан да болзо јунунар.
Улу бойынгды чактарга
Улус качан да кожогдоор.

Если посмотреть со стороны, —
Не видать краев, Алтын-Кёль.
Если бросить взгляд с вышины, —
Ты, как зеркало, Алтын-Кёль.
Скал прибрежных немой гранит,
Словно крепость, тебя хранит.
Рыбы стаями там и тут,
Словно в небе тучи плывут.
А волною твоею всегда
Умываться будет звезда.
О величии твоих светлых вод
Будет вечно петь наш народ[45].

[44] Грамматика алтайского языка. Казань, 1869, стр. 138—139. Перевод подстрочный.

[45] Сб. Народные песни алтайцев. Горно-Алтайск, 1962, стр. 55. Перевод Е. Стюарт. Песня была записана П. Кучияком в 1935 г.

Проникновенные слова, задушевная мелодия этой песни известны всему Горному Алтаю. Она по душе и молодым и старым. Самое сокровенное в ней — это любовь народа к своему краю.

Песня несколько раз была опубликована в различных сборниках.

О красоте Алтая, о его природе алтайским народом сложено очень много песен («Восхваление Алтая», «О красоте Алтая» и т. д.). В них говорится, что «цветы твои, мой Алтай, золотые и серебряные», «горы твои голубые и синие»; когда «выпадет белый снег, ты подобен белому шелку, а когда покроют тебя травы, ты подобен зеленому шелку». Алтаец не только восхваляет родную природу, но постоянно чувствует свою привязанность к ней. Самым характерным для этих песен является тесная спаянность народной жизни с природой. В этих песнях, в их широких протяжных мелодиях, народ с необычайной художественной силой сумел выразить свою бодрость и жизнерадостность, свою любовь к прекрасному Алтаю.

К величальному циклу относятся песни, восхваляющие родственников, близких, друзей. Положительный образ всегда сравнивается с различными предметами и явлениями природы. Певец поет плавно, протяжно, подчеркивая все положительные качества данного человека. Для примера возьмем песню «Кудагайды мактаганы» («Хвала сватье»):

Jаскы койон тӱгиндий
Jып-jымжагаш кудагай.
Jабаганың jалындый
Чип-чичкечек кудагай.
Кӱски койон тӱгиндий
Jып-jымжагаш кудагай.
Кӱренг тайдың кылындый
Чип-чичкечек кудагай.

Как шерсть весеннего зайца мягка,
Так нежна моя сватья.
Как волос жеребенка тонок,
Так стройна моя сватья.
Как шерсть осеннего зайца мягка,
Так нежна моя сватья.
Как волос коня тонок,
Так тонка моя сватья[46].

Величальных песен у алтайцев много. Они посвящены восхвалению своей местности, коня, отца, сына, бабушки, матери, невесты, супруги и т. д. В песне «Алган ӱйин мактаганы» («Похвала жене») муж хвалит свою жену и сравнивает ее с «золотистыми и серебряными листьями белой березы»:

Алтындый бӱри тӧгӱлген
Ак кайың беди, бу беди?
Арказындагы чачы jайылган
Алганым беди, бу беди?

Рассыпавшиеся золотые листья,
Ведь это же белая береза? Да, это она!
Распустившая по спине волосы,
Ведь это моя жена? Да, это она!

---

[46] Сб. Народные песни алтайцев. Горно-Алтайск, 1962, стр. 77. Перевод подстрочный. Песня записана от А. Адарова в г. Горно-Алтайске в 1957 г.

Күмүштий бүри төгүлген
Көк кайың беди, бу беди?
Көксиндеги чачы јайылган
Көркийим беди, бу беди?

Рассыпавшиеся серебристые листья,
Это ведь синяя береза? Да, это она!
Распустившая по плечам волосы,
Не моя ли любимая? Да, это она![47]

В другой песне восхваляется трудолюбие, сердечность родителей, их нежное отношение к детям:

Калбакчадаң кабырып,
Кап толтырган адабыс.
Калбагашча бойысты
Чыдадып койгон адабыс.
Јурунчадаң јууйла,
Јууркан эткен энебис.
Јудурукча бойысты
Кижи эткен энебис.

По ложке собирая,
Пищу для нас добывал наш отец.
Нас, бывших с ложечку,
Сделал людьми наш отец.
По лоскутику собирая,
Сделала нам шубу наша мать.
Нас бывших с кулачок,
Вывела в люди наша мать[48].

Лирические любовные песни (сүүш кожоңдор).

В. Г. Белинский писал: «Лирическая поэзия возникает на всех ступенях жизни и сознания, во все века и эпохи... Сознание всех младенчествующих народов прежде всего выражется в поэзии, и потому каждый народ и каждое племя непременно имеют свою поэзию, на какой бы низкой ступени цивилизации и образования ни стояли они»[49]. Как и у других народов, лирическая песня является одним из самых распространенных жанров алтайского фольклора.

Об этом В. И. Вербицкий писал еще в XIX веке и приводил тексты любовных песен в своей работе «Алтайские инородцы»:

Јаскыда күйген өрт чилеп,
Јалбырап турат јүрегим.
Јаскыда келген куш чылап,
Јайнап турат мениң көзим.
Күскиде күйген от чылап,
Күйүп турат јүрегим.
Күскиде барган куш чылап,
Кунугып турат мениң көзим.

Как палы, весною горящие,
Пылает к тебе мое сердце.
Как птица весною ищет гнезда,
Тоскливо ищут тебя мои глаза.
Как огонь, пылающий осенью,
Горит к тебе сердце мое.
Как птицам, отлетающим осенью,
Завидуют глаза мои твоим спутникам[50]

---

[47] Народные песни алтайцев. Горно-Алтайск, 1962, стр. 70. Песня записана от П. В. Кучияка в 1936 г. Перевод подстрочный.

[48] Сб. Алтайские народные песни. Горно-Алтайск, 1959 г., стр. 8. Песня записана Е. М. Чапыевым в с. Ело Онгудайского аймака в 1955 г. Перевод подстрочный.

[49] В. Г. Белинский. Собрание сочинений в трех томах, т. 2, М. 1948, стр. 46, 85.

[50] В. И. Вербицкий. Алтайские инородцы. М. 1893, стр. 175—176. Запись и перевод В. И. Вербицкого.

Верность и преданность любимому человеку составляет идейную основу любовной лирики. Большинству лирических песен свойственен оптимизм, вера в силу любви и ее превосходства над злом и несчастьем. В песне воспеваются прекрасные духовные качества человека: ум, честность, красота и т. д.

Сопоставления в любовных песнях переживаний и чувств человека с образами природы не случайны. Из них отбирались исполнителями только те картины, которые помогали более яркому раскрытию основного содержания песни. Затем эти картины природы приобрели устойчивость, стали традиционными. Чаще всего это были явления природы, небесные светила, некоторые представители животного и растительного мира. Так, любовные чувства и переживания девушки и парня или просто настроения любимого человека сравниваются с солнцем, луной, звездами, цветами, птицей и т. д. Например, в приведенной песне сердечное чувство парня сравнивается с одинокой пролетающей птицей.

Излюбленным видом исполнения любовных песен является диалог между парнем и девушкой.

Так, в одной из популярных песен «Танылу» («Знакомая») парень поет:

Балтырган бажы беш айры,
Беш айрыдаң танылу.
База ойногон ол бала
Базыдынаң танылу.
Комургай бажы кош айры,
Кош айрыдаң танылу.
Кожо ойногон ол бала
Кожоңынаң танылу...

Верхушка дягиля имеет пять разветвлений,
По пяти разветвлениям она заметна.
Вместе играющая девушка
По походке мне знакома.
Верхушка дудки разветвленная,
По разветвлению она заметна.
Вместе играющая девушка
По песням мне знакома...[51]

Если девушка любит парня, она отвечает ему песней:

Алтан агаш ортодоң
Аспакты кайдаң таныдың?
Алтан кыстың ортодоң
Мени канай көстөдиң?
Бежен агаш ортодоң
Белени кайдаң таныдың?
Бежен кыстың ортодоң
Мени канай көстөдиң?

Из шестидесяти деревьев
Как ты осину узнал?
Из шестидесяти девушек
Как ты меня заметил?
Из пятидесяти деревьев
Как ты рябину узнал?
Из пятидесяти самых красивых
Как ты меня заметил?[52]

---

[51] Сб. Алтай албатының кожоңдоры (Алтайские народные песни). Горно-Алтайск, 1959, стр. 67. Перевод подстрочный. Песня записана в Усть-Канском аймаке А. Борбуевым в 1950 г.

[52] Сб. Народные песни алтайцев. Горно-Алтайск, 1962, стр. 87. Песня записана в с. Кырлык Усть-Канского аймака в 1939 г. П. В. Кучияком. Перевод подстрочный.

Диалогическое исполнение лирических песен бывает в основном во время игр, гуляний, на народных праздниках. Во всех остальных случаях лирические песни исполняются в форме монолога.

В одной из песен чувства парня выражаются такими словами:

Бери көрзөң, көөркийим,
Јаражың көрүп алайын.
Јаражың көрүп алала,
Јажына ундыбай јүрейин.
Таң чолмондый көзингди
Төмөн јемире көрбөзөң.
Карузыган күүнимди
Кайра ийде салбазаң.

Посмотри сюда, любимая,
На твою красоту я взгляну.
А взглянув на твою красоту,
Я тебя никогда не забуду.
И глаза, как звезда рассветная,
Пусть не смотрят, потупившись вниз.
Я прошу тебя, не отталкивай
Мое нежное чувство к тебе[53].

Как и у других народов, в любовных песнях девушки звучат мотивы печали. Если в русском фольклоре влюбленные жалуются на препятствие их браку со стороны родителей, то в алтайских народных песнях этот мотив звучит с удвоенной силой. И это неудивительно, если вдуматься в те специфические и порой непреодолимые трудности, которые в дореволюционные дни вставали перед алтайскими юношами и девушками. Родители решали вопрос о замужестве своей дочери, не только не считаясь с ее желаниями, но даже не осведомляя об этом ее. Фактически девушку продавали за особый выкуп (калым). Поэтому многие трагические эпизоды из жизни молодежи входили в сюжетную основу любовной лирики алтайцев. Эти песни в наше время были широко использованы национальными писателями и композиторами при показе прошлой жизни — в драме П. Кучияка «Чейнеш», в пьесе М. В. Мундус-Эдокова «Невестка», в повести Ч. Чунижекова «Мундузак», в романе Л. Кокышева «Арина» и другие.

Однако, основное содержание многих любовных песен составляет чувство радости, верности, любви:

Айры кулак сертилдеп,
Ангдар кайда туру не?
Ала көзи мөлтүреп,
Айдышкан кайда јүрү не?
Эки кулак сертилдеп,
Элик кайда туру не?
Эки көзи мөлтүреп,
Эжим кайда јүрү не?

Где же стоит марал,
Ушами своими шевеля?
Где же мой милый тоскует
Со слезами на глазах?
Где же стоит олень,
Обоими ушами шевеля?
Где же тоскует дорогой
Со слезами на глазах?[54]

---

[53] Сб. Народные песни алтайцев. Горно-Алтайск, 1962, стр. 90. Перевод подстрочный. Песня записана в г. Горно-Алтайске от Сариной в 1941 г.

[54] Сб. Народные песни алтайцев. Горно-Алтайск, 1962, стр. 85. Перевод подстрочный. Песня записана в с. Бело-Ануй Усть-Канского аймака от Н. Алчубаева в 1957 г.

В лирической песне нашли художественное отражение правовые нормы, нравственные и эстетические требования народа, любовные переживания, все многообразие чувств, связанных с повседневной жизнью человека.

Имеющиеся записи любовных песен свидетельствуют о том, что они были и остаются самыми традиционными и популярными. В процессе своего развития алтайские лирические песни обогащались тематически. И нередко эта тематика вызывала к жизни новые разновидности песенных форм. Глубокие изменения в содержании и стиле любовной лирики были вызваны новыми условиями жизни народа. В дореволюционный период были созданы характерные для того времени крестьянские лирические песни, в которых отразились темы патриархального быта, а также тема любовных чувств человека.

Через лирические песни народ познавал окружающее, выражал свое отношение к этому окружающему, свои возвышенные идеалы, моральные воззрения и взаимоотношения людей в обществе и в семье, осуждал тех, кто нарушал эти идеалы[55]. Именно в них мы находим отражение представлений народа о красоте человека, о его эстетическом идеале. Идеалом красоты в любовной лирике алтайцев являются девушка и парень. По народному понятию, они должны быть красивыми не только по внешнему виду, но красивым должен быть и их внутренний мир. Поэтому в любовных песнях девушку рисуют всегда краснощекой, чернобровой, с длинными косами, с золотыми кольцами, одежда ее из шелка, шапка — из лисьей шкуры; она всегда скромна, приветлива, обаятельна, трудолюбива.

По народному представлению, человек должен быть красивым в первую очередь своими поступками, делами. Его эстетические идеалы должны совпадать с народным понятием о красоте, добре.

Игровые песни (ойыннын кожогдоры).

Было мнение, что у алтайцев не было игр. Современные записи игровых песен опровергают такое утверждение. Как в прошлом, так особенно в наши дни, зафиксировано много игр и сопровождающих их песен.

Игровая песня — синкретический вид народного искусства, объединяющий песню с плясками и играми, мелодию с движения-

---

[55] В. М. Сидельников. Эстетическое в поэтическом искусстве народа. В сб. «Эстетические особенности фольклора». Улан-Удэ, 1969 г., стр. 20.

ми и действиями. Алтайская народная игра воспринимается как согласованное, коллективное движение по кругу или между рядами с обязательным сопровождением песней и пляской.

Если рассматривать алтайские игровые песни в историческом плане, то не трудно увидеть существенные изменения, которые произошли в содержании и форме как самих игр, так и связанных с ними песен.

Можно предполагать, что в далеком прошлом алтайские народные игры и песни имели тесную связь с семейно-бытовыми обрядами. Алтайские народные свадьбы до сих пор сопровождаются играми, песенными диалогами. С течением времени многие свадебные обрядовые элементы и традиционные формы игр исчезли. Изменилось содержание, состав и формы исполнения, появились новые игры и песни, тесно связанные с современной действительностью. Игровая песня стала более массовой. Этот процесс обновления, обогащения и изменения игровых песен принял необычайно интересный характер в советское время, когда в деревне, где больше всего сохранились игры и игровые песни, произошли коренные изменения в культуре и быте.

Новые формы организации труда, быта в колхозной деревне стали той жизненной почвой, на которой получили подлинное развитие современные игры и песни молодежи.

Особенно бурное развитие и распространение игровых песен наблюдалось в 30-е и послевоенные годы. Во многих районах области этот интересный вид народного искусства и в настоящее время живет полной жизнью. В этом нас убеждают фактические материалы, собираемые фольклористами, этнографами в различных селах области. Игровые песни, наряду с новыми формами и видами профессионального, а также самодеятельного искусства, занимают одно из главных мест в художественном репертуаре сельской молодежи.

Своим идейным содержанием, формами исполнения игровые песни отвечают современным духовным, эстетическим потребностям сельской молодежи, теснейшим образом связаны с ее жизнью, бытом, отдыхом.

Формы исполнения игровых песен различны. Самый распространенный вид исполнения — унисонный. Но встречаются и хороводные песни.

Во время игры поются в основном лирические, любовные песни о счастье и молодости, о прекрасной поре жизни. Они очень вариативны. В этом отношении характерна игра «Сырга јажыралы» («Прятание серьги») и сопровождающие ее песни. В игре участвует много людей. Молодые люди садятся рядом. Ведущий

берет серьгу и дает кому-нибудь из сидящих. Тот должен передать ее другому. В конце концов никто не знает, у кого находится серьга (иногда прячут кольцо). Передавший серьгу вызывает девушку или парня для поисков спрятанной вещи. Все сидящие вытягивают руки и вызванный человек начинает искать. Он должен искать только у трех сидящих людей. Если он найдет серьгу, то искать будет тот человек, у кого ее нашли. А если не найдет, то искавший обязательно должен спеть песню, например, такую:

Күн алдында бир терек	Под солнцем стоит тополь,
Күмүш бүрин јайказын.	Пусть шумит серебряной листвой.
Күмүш башту сыргамды	Серебряную серьгу мою отдайте,
Күн өткүрбей беригер.	Пока солнце не взошло.
Ай алдында бир терек	Под луной стоит тополь,
Алтын бүрин јайказын.	Пусть шумит золотой листвой.
Алтын башту сыргамды	Золотую серьгу мою отдайте,
Ай ажырбай беригер.	Пока луна не спряталась[56].

Сидящие могут не показать серьгу (кольцо), требуя спеть другую песню. В этом случае он обязан петь хвалебную песню:

Кишке салган чакпыгар	Капкан, поставленный на соболя,
Киштең сүрлү көрүнзин.	Пусть кажется лучше соболя.
Киш кабакту бойыгар	И вы, с черными соболиными
Кижиден сүрлү көрүнзин.	бровями,
Агаска салган чакпыгар	Будьте красивее всех других.
Агастаң сүрлү көрүнзин.	Капкан, поставленный на горностая,
Агас кабакту бойыгар	Пусть кажется лучше горностая.
Албатыдаң сүрлү көрүнзин.	И вы, с горностаевыми бровями,
	Будьте красивее всех других[57].

Характерную черту композиционного строя алтайских игровых песен составляют поэтические повторы. Они цементируют песню, повышают ее эмоциональное звучание, организуют ритм. Большинство повторов носит жизнерадостный, веселый характер. Они подчеркивают значимость каждой песенной строки.

Менее распространена игра и сопровождающие ее песни «Күрүзүш»[58] («Развязывание пояса»). Участники игры делятся на две

---

[56] Сб. Народные песни алтайцев. Горно-Алтайск, 1962, стр. 101. Песня записана в Майминском (бывшем Чойском) аймаке от Сайдашевой К. в 1937 г. Перевод подстрочный.

[57] Сб. Устное народное творчество алтайского народа, вып. 1, Горно-Алтайск, 1961, стр. 51. Перевод подстрочный. Песня записана в урочище Кызыл-Тыт Кош-Агачского аймака от Игиспаевой Болчюс в 1959 г.

[58] Вызванный человек должен «прервать» цепь взявшихся за руки людей.

группы и, взявшись за руки, встают друг против друга. Из одной группы выходит вперед человек и приглашает кого-нибудь из другой группы, называя имя. При этом песню исполняет тот, кто приглашает. Вызванный человек должен «прервать цепь». Эта игра очень похожа на игру «Табыр». Отличие заключается в некоторых игровых деталях и исполняемых песнях. Если при «Табыре» вызванный человек показывает свою смекалку, быстроту, энергичность, то в игре «Кур ӱзӱш» он должен показать ловкость, красоту движения. Когда вызывают человека, поют такую песню:

Бӱдӱн торко чачакту,
Бӱткен бойыҥ бу сӱрлӱ.
Јарым торко јакалу,
Јардак бойыҥ бу сӱрлӱ.
Курды ӱс! (адын адап јат).

Кисточка у тебя из целого шелка,
Сам ты очень красивый.
Ворот у тебя шелковый,
Сам ты очень бойкий и красивый,
Прерви преграду! (называется имя)[59].

Вызванный человек должен с разбегу прервать «цепь» взявшихся за руки людей. Если он не сумеет этого сделать, то остается в противоположной группе. Так играют до тех пор, пока из одной группы все не перейдут в другую. Игра сопровождается песнями, в которых подчеркивается сила, красота, ловкость вызываемого, его обаятельность, наряд.

Весьма своеобразна и игра «Чаа» и сопровождающие ее песни. Здесь сочетается пляска, музыка, песня, игра. Участники становятся попарно (девушка и парень) и образуют ряд. Игру начинает первая пара. Девушка поет песню, а парень должен обязательно петь и плясать. Один человек, играя на икили, сопровождает пение и пляску. Каждый участник должен петь песню, не повторяя других. При «Чаа» обычно исполняются лирические песни. В конце своей песни каждый из участников выкрикивает слово «Чаа».

Слово «Чаа» монгольского происхождения. Оно выражает возглас, которым отгоняют, прогоняют коз. В данной игре «Чаа» означает «в конец», т. е. участники, выполнившие свои «обязанности», должны идти в конец ряда. Игра продолжается до тех пор, пока все участники не исполнят песни и пляски. Вот образец одной из популярных песен, который часто исполнялся при игре «Чаа»:

---

[59] Сб. Устное народное творчество алтайцев, вып. 1, Горно-Алтайск, 1961, стр. 49. Перевод подстрочный. Игру «Кур ӱзӱш» и сопровождающую ее песню записал С. Суразаков в урочище Чоокыр-Агаш Кош-Агачского аймака от Керексибесовой Зои в 1959 г.

Эки тууны эбирген
Элик балазы јаражын.
Эптӱ ойынга јуулган
Элдиҥ-јоннынҥ јаражын.
Алты тууны айланган
Аҥ балазы јаражын.
Акта ойынга јуулган
Албаты-јоннынҥ јаражын.

Как красив детеныш косули,
Две тайги обошедший.
Как красив народ,
На веселую игру собравшийся.
Как красив детеныш марала,
Шесть гор обошедший.
Как красивы люди,
На поляне играть собравшиеся[60]

Алтайские игровые песни исполняются в умеренном темпе, соответствующем спокойному движению играющих. Известные нам современные игровые песни алтайцев не связаны ни с какими обрядами, народными праздниками. Они исполняются во время молодежных игр, плясок.

СОЦИАЛЬНО-САТИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

(социально-сатирический кожоҥдор)

У алтайского народа есть и социально-сатирические песни, направленные против баев, зайсанов, шаманов и отражавшие жизнь простых кочевников под гнетом эксплуататоров. В этих песнях (текстах и мелодиях) большей частью звучит грусть. Та невыносимая, тяжелая жизнь, которую вели бедняки-алтайцы при царизме под двойным — социальным и национальным — гнетом, наложила свой отпечаток на народное творчество. Гнет и бесправие, нищета и болезнь, бесправное подчинение зайсану, баю, бесконечные подати, налоги — вот что было их жизненным уделом. В одной из старинных социальных песен так описывается страдание трудящихся алтайцев:

Гусь усталый летит по Катуни вниз,
Ниже вершины березы...
Я смотрю на свою невеселую жизнь,
И из глаз моих льются слезы.
Отправляются гуси в большой перелет,
Крылья у них устали...
А в аилах[61] у нас злая бедность живет,
И глаза мои слезы застлали.

Разве есть у нас на Алтае ирим[62],
Где не села б гусиная стая?
Разве есть бедняк, чтобы горбом своим
Не работал на хищника-бая?
Не найти у нас на Алтае камней,
На которых не сиживал ворон.
Не найти в нашей жизни бедняцких дней,
Прожитых без горя[63].

---

[60] Устное поэтическое творчество алтайцев, вып. 1., Горно-Алтайск, 1961, стр. 23. Песня записана в Улаганском аймаке в 1956 г. Перевод подстрочный.
[61] Айыл — юрта.
[62] Ирим — омут.
[63] Сб. Песни Ойротии. Новосибирск, 1938, стр. 115. Перевод А. Смердова.

Но несмотря на грусть, печаль, в социальных песнях нет безысходности. Как и у других народов России дореволюционного периода, алтайский народ в своих социально-сатирических песнях обличает паразитизм духовенства, тупость баев и зайсанов, обман шаманов:

Кажат јерге јелерге
Казы соккон ат јаман.
Өскүс-јабысты кулданган
Өгүс айудый бай јаман....
Калык-јонды катулап,
Калан алган јайзанг бай.
Кайыш камчы соголо,
Кан јалаган јайзанг бай...
Јер үстинде јескимчи
Јыланнанг быјар тынду јок.
Јелбер чачы јайылган
Абыстанг јаман кижи јок...
Үүр кушты үзе тепкен
Үкү деген куш јаман.
Үүр малды үзе тайган
Үлбүректү кам јаман.

Рысью мчаться по холму
Невозможно — конь худой.
Угнетающий народ
Медвежьеликий бай плохой...
Притесняя бедный люд,
Брал налоги зайсан-бай.
Истязал ты плетью нас,
Кровожадный зайсан-бай...
Нет поганей на земле,
Ядовитей, чем змея.
Хуже нет человека,
Чем длинногривый поп...
Птичью стаю настигая,
Истребляет филин злой.
Табун в жертву забирающий
Ненасытный кам плохой[64].

Социальные песни, нередко трагичны по своему сюжету, всегда имеют оптимистическую основу. Свои мысли, чувства, мечты трудовой народ в то время выражал именно в поэтическом творчестве. Подтверждением может служить такая песня:

Богачи! Вы сильны сейчас,
Но придет же гибель вам,
И наступит тот светлый час,
Когда радость зайдет к беднякам...[65]

Хотя в этой песне мы еще не видим четких призывов к борьбе против угнетателей, она дает яркое представление о пробуждающемся классовом сознании у деревенской бедноты.

В своих песнях народ обличает бая как жадного и жестокого эксплуататора, зайсана — как кровопийца, шамана — как взяточника и т. д. Так, в песне, направленной против купца, говорится, что «правды нет у жадного, нечестного купца», что он «хитрый, как лиса, мягкий, как шерсть». Все эти определения точно показывают внутренний мир купца, его цель и стремление — нажиться за счет простых людей.

---

[64] Песни записаны Ч. А. Чунижековым в различных аймаках области. Перевод подстрочный.

[65] Песни Ойротии. Новосибирск, 1938, стр. 123. Перевод В. Непомнящих.

В дореволюционном Горном Алтае было много известных певцов, которые создавали социально-сатирические песни, направленные против угнетателей. В этом отношении характерны песни Калана и Колонди, которые жили в долине реки Челушман. Они в своих песнях зайсана Семена Юлукова называют обманщиком народа, взяточником, жадным зверем. Калан и Колонди были бедными людьми, всегда находились в долговой зависимости от богачей. Однажды за несвоевременную уплату долгов зайсан Юлуков назначил бедняку Калану несколько розог. После порки Калан спел такую песню про зайсана Юлукова:

Jалы jок jабааны
Айгырга салган jонымды.
Jамызы jок Семенди
Jайзаң эткен jонымды.
Семен кижи кижи бе,
Ат бажына ол кортык.
Семен jайзаң jайзаң ба,
Албатыны тоноочы.

Жеребенка, еще не имеющего гриву,
Жеребцом сделали, что за люди.
Семена, не имеющего чина,
Поставили зайсаном, что за люди.
Семен разве человек —
На коне даже не может ездить.
Семен разве зайсан —
Народ он всегда грабит[66].

Калан ни Юлукова, ни его помощников не боялся. Сколько раз его били розгами, столько раз он сочинял песни, которые были едкими, остро сатирическими.

Калан высмеивал и попов. Однажды он увидел, что пришедшие в церковь люди целуют руку священника Петра Тырмакова. Он тогда сказал людям: «Почему вы целуете руку попа?». Потом протянул свою руку Петру Тырмакову для поцелуя. За оскорбление попа Калан получил пятьдесят розг. Когда его били, он лежа пел песню, высмеивая попа:

Алтын тоныҥ тон беди —
Архирейдиҥ чӱмдери.
Абыс бойыҥ эр бедиҥ —
Албатыныҥ jеткери.
Алтын чачыҥ чач беди —
Аттыҥ jаман куйругы.
Абыс бойыҥ эр бедиҥ —
Албатыныҥ öштӱзи.
Алтын тонды кийеле,
Мактан jӱрген абыс сен.
Албатыны крестеп,
Торбок jууган абыс сен.

Золотая твоя шуба разве шуба —
Это архиерейский наряд.
Ты, поп, разве человек —
Для народа ты несчастье.
Золотые волосы твои разве волосы —
Это паршивый конский хвост.
Ты, поп, разве человек —
Народу ты враг.
Надев золотую шубу,
Только хвастаешься, поп, ты.
Людей ты приводишь крестить
И берешь за это коров.

---

[66] Устное народное творчество алтайского народа. Горно-Алтайск, 1961, вып. 1, стр. 42—43. Перевод подстрочный. Песни Калана были записаны в с. Көө Улаганского аймака от А. Чокурбашевой и П. Каланова в 1956 г. С. Суразаковым и Т. Тюхтеневым. Оригиналы хранятся в Горно-Алтайском НИИИЯЛ, МНКЭ, № 9.

Свечини **тургузып**,	В церкви свечи ты поставив,
От кўйдўрген абыс сен.	Огонь зажег, поп, ты.
Сержвеле мекелеп,	Обманывая **церковью**,
Акча јууган абыс сен.	Собираешь деньги ты, поп[67].

Сила песни Калана и Колонди заключена в их оптимизме, правоте, социальной заостренности. Они в какой-то мере способствовали пробуждению классового самосознания трудящихся алтайцев. Калан и Колонди были людьми с большой силой воли, они ненавидели зайсанов, попов и баев. Сколько раз над ними ни издевались, сколько раз их ни истязали зайсаны, они никогда не просили пощады, не падали на колени перед ними. Недаром социально-сатирические песни Калана и Колонди были известны не только в долине Челушмана, они были любимыми песнями во многих других местах дореволюционного Горного Алтая.

В социально-сатирических песнях с большой художественной силой показана главная причина страданий и невзгод трудовых кочевников-алтайцев — эксплуататорский строй, грабеж и разорение крестьян местными баями и царскими чиновниками, торговцами.

Для алтайских народных песен этого цикла характерны историческая достоверность, социальная острота, отражение социальных конфликтов. Раскрывая причины социальных бедствий и выражая гнев против насилия, народ тем самым выражает свою ненависть к существующему порядку и мечтает о свободной счастливой жизни. В этом заключается оптимистический характер социально-сатирических песен алтайского народа.

К сатирическим песням относятся так называемые «песни-насмешки» («сöгўш кожоҥдор»), которые слагались против отдельных пороков людей. По своим выполняемым функциям эти песни похожи на сатирические. Но они отличаются от последних тем, что в них преобладают насмешки, юмор, комизм, отсутствует сарказм, острая социальная направленность. Возьмем такую песню:

Ачу-корон аракы	Ядовито-горькая водка
Адыҥ буулап берер бе?	Поможет ли тебе поймать коня?
Аамай-шалбыр таҥмалар	Неряшливый ты человек —
Албатыга туза берер бе?	Можешь ли народу пользу принести?
Кычкыл-корон аракы	Горько-кислое вино

---

[67] Устное народное творчество алтайского народа. Горно-Алтайск, 1961, вып. 1, стр. 44—45. Перевод подстрочный. Песня записана в с. Көө Улаганского аймака от А. Чокурбашевой и П. Каланова в 1956 году С. Суразаковым и Т. Тюхтеневым.

Койыҥ кӱдӱп берер бе?
Колыҥа иш тутпазаҥ,
Улуска туза болор бо?

Поможет ли тебе пасти овец?
Если ты не будешь трудиться,
Принесешь ли ты людям пользу?[68]

Особым видом сатирических песен являются шуточные песни. Разработка бытовых тем в них юмористическая. Ярко выраженный оптимизм, бодрость, жизнерадостность составляют их основную черту. Типичными для алтайских шуточно-сатирических песен являются их веселые мелодии, четкие ударные ритмы, повторы, усиливающие общее впечатление песни.

Тон песни обычно веселый, шутливый. Все это усиливает эмоциональность, вызывает смех. Юмор помогал человеку забывать тягостную и невыносимую жизнь и сохранить жизнерадостность, бодрость духа и веру в счастливую жизнь.

В народе популярна шуточная песня «Сагал» («Борода»):

Јелбейген сагал,
Јелтирейген сагал.
Сагалдаҥ тартсам,
Сен турбайдыҥ, сагал.
Саламат берзем,
Сен јибейдиҥ, сагал.
Сананып айтсам,
Сен укпайдыҥ, сагал.
Кӧчӧдӧҥ берзем,
Сен ичпейдиҥ, сагал.
Колыҥнаҥ тартсам,
Сен турбайдыҥ, сагал...

Пушистая борода,
Косматая борода.
Если за бороду тяну, —
Не встаешь ты, борода.
Если саламат даю, —
Ты не кушаешь, борода.
Говорю с тобой, подумав, —
Ты не слышишь, борода.
Если суп тебе даю, —
Ты не кушаешь, борода.
Если за руку тяну, —
Не встаешь ты, борода...[69]

Песня была известна до революции, но первая запись была сделана А. В. Анохиным в начале 20-х годов[70]. А в 1949 году она была снова записна Е. М.Чапыевым в г. Горно-Алтайске и опубликована в 1962 году. Эти записи в основном идентичны; они состоят из двенадцати песенных строк. Отличие состоит только в лексике. В записи Анохина имеются слова, как «колебание», «водка», «окладистая», которых нет в опубликованном тексте. Но эти различия не существенны, они не изменяют содержание и форму песен. Поэтому их нельзя считать вариантами. В этой песне в шутливой форме высмеивается лодырь, который не желает работать, не приносит пользу обществу, а старается жить за

---

[68] Сб. Алтай албатыныҥ кожоҥдоры. (Алтайские народные песни). Горно-Алтайск, 1959, стр. 88. Перевод подстрочный. Песня записана И. Шодоевым в с. Кӧзӱл Усть-Канского аймака в 1950 г.

[69] Сб. Народные песни алтайцев. Горно-Алтайск, 1962, стр. 105. Перевод подстрочный. Песню записал Е. М. Чапыев в г. Горно-Алтайске в 1949 г.

[70] Архив института этнографии АН СССР. Ленинград, ф. 11, оп. 1, № 26, л. 91.

счет других. Певец прямо не называет его лодырем, а показывает его действия, образ жизни. Музыкальную обработку песни сделал композитор А. М. Ильин.

В шуточных песнях много юмора, смеха и иносказательных слов.

К песне «Сагал» («Борода») по идейному содержанию близки шуточно-сатирические песни «Салкын јалкуга мактанганы» («Хвастовство ветра перед лодырем»), «Койоноктың мактанганы» («Хвастовство зайчика»)[71] и другие. Из этих песен по своему содержанию и форме наиболее интересна последняя. Зайчик хвастается, что он всех красивей, не боится «красной лисы», «серого филина», что его «никто не догонит» и «не словит». Он ставит себя выше всех, считает лучше всех. Эта песня по идейному смыслу близка к нравоучительным басням алтайского писателя-просветителя XIX века М. В. Чевалкова. В ней мы видим не социальную сатиру, а бытовую, нравоучительную:

Јалаң јерде ойынду,
Јар алдында јадынду,
Јажыл корбо кыркыйтан
Јараш-седең койон мен.
Мен, мен койонок,
Мен, мен койонок.
Тууны кырлай мантайтан,
Турган өлөң отойтон,
Тусту марча јемиттӱ
Туулай койон мен эдим.
Мен, мен койонок,
Мен, мен койонок.
Кырлаң јерде уйамды
Кызыл тӱлкӱ таппайтан,
Боочыдагы јолымды
Боро ӱкӱ билбейтен.
Мен, мен койонок,
Мен, мен, койонок.
Јерде јӱрген бойымды
Једип тудар неме јок,
Тууга чыккан койонды
Тудуп алар арга јок.
Мен, мен койонок,
Мен, мен койонок.

Я играю на лугу,
Я под яром спрячусь и сплю,
Зеленые почки грызу,
Красивый, веселый заяц я.
Я, я зайчик,
Я, я зайчик.
Вдоль горы я бегаю,
Травы стоящие я ем,
Солонцы нахожу и лижу,
Прыгающий заяц я.
Я, я зайчик,
Я, я зайчик.
На холме мое гнездо —
Красная лисица не найдет,
Через перевал мой путь —
Серый филин не знает.
Я, я зайчик,
Я, я зайчик.
На воле, свободе бегаю,
Никто меня не догонит,
В гору помчусь,
Никто меня не словит.
Я, я зайчик,
Я, я зайчик.[72]

---

[71] Песни «Хвастовство зайчика» и «Хвастовство ветра перед лодырем» были опубликованы в книге В. В. Радлова «Образцы народной литературы тюркских племен», т. 1, СПБ, 1866, стр. 222—224.

[72] Сб. Народные песни алтайцев. Горно-Алтайск, 1962, стр. 104—105. Песня записана в Горно-Алтайске Е. М. Чапыевым в 1949 г. Перевод подстрочный.

Песня «Хвастовство зайчика» впервые была опубликована в 1866 году В. В. Радловым и состояла она из пятидесяти одной строки, а Е. М. Чапыев в 1949 году записал из этой песни только двадцать четыре строки. Поэтому мы можем сказать, что публикация В. В. Радлова полное и раскрывает многие отрицательные стороны хвастливого человека. Эта песня исполняется игриво, оживленно, местами лукаво.

В других шуточно-сатирических песнях прямо указываются отрицательные качества людей. Так, в песне «Кокур-элек кожонг» («шуточно-сатирическая песня») в юмористической форме девушка высмеивает парня за его невнимательность, недогадливость:

...Ак боро деп мингеним
Арказы тижик ат эмтир.
Аjыкту деп көргöним
Аамай, тенек уул эмтир...

...Думала, что этот серый конь
хорош, —
Оказалось опухоль на его спине.
Думала, что этот парень внимателен,
Оказался этот парень глупым...[73]

ПЕСЕННЫЕ СОСТЯЗАНИЯ (МÖРÖЙЛÖЖИП КОЖОНГДОШКОНЫ)

Своебразным видом алтайских народных песен являются песни-состязания двух или группы певцов в остроумии и образности речи. В старину такие песни были распространены в народе весьма широко. Певец, вызванный на такое состязание, должен был отвечать импровизацией своему сопернику, и так продолжалось до тех пор, пока один из соревнующихся не умолкал, истощив свое красноречие или не найдя ответной песни.

О состязаниях певцов в Горном Алтае писали многие путешественники, ученые, писатели. Так, известный русский писатель В. Я. Шишков летом 1910 года возглавлял экспедицию по исследованию реки Бии. Здесь он увидел состязание певцов. Об этом В. Я. Шишков в автобиографии писал: «Интересен национальный теленгитский праздник, где состязались три дня и три ночи народные певцы и сказители былин»[74].

В дореволюционном Горном Алтае было много талантливых певцов, имена которых помнят пожилые люди до сих пор: Калан, Колонди, Созын, Астам, бродячий певец Чолтуков Муклай и др. Их приглашали на народные гуляния, на свадьбу, чтобы придать народным праздникам веселье. Так, известный челушманский певец Калан был вызван чуйскими теленгитами на состязания

---

[73] Сб. Народные песни алтайцев. Горно-Алтайск, 1962, стр. 96. Песня записана от Т. Сыркашева в 1937 г. в Горно-Алтайске. Перевод подстрочный.
[74] В. Я. Шишков. Собр. соч., т. 1, «ЗИФ», М.-Л., 1928. стр. 59.

певцов. Когда он приехал, его привели в аил, где сидело много людей, и посадили у порога. Соперником его была женщина.

Песню начинала женщина:

...Чолушманды кем көрбөөн?
Чолуш јаман јер эмей.
Сен Каланды кем укпаан?
Чор ло тенек эр эмей.
Алтын-Көлди кем көрбөөн?
Агып турган суу эмей.
Сен Каланды кем укпаан?
Алаа, тенек эр эмей...

...Кто не видал долину Челушмана?
Ведь это кривые, нехорошие места.
Кто Калана не слышал?
Ведь он круглый дурак.
Кто не видал Алтын-Келя?
Ведь это всего-навсего быстротечная река.
Кто Калана не слышал?
Ведь он глупый человек...

Калан ответил на это:

...Эре Чуйды кем көрбөгөн?
Ээн сары чөл эмей.
Сен кадытты кем укпаган?
Эри јокко тул эмей.
Кадын ичин кем көрбөөн?
Каскак јаман јер эмей.
Сен кадытты кем укпаан?
Кара јанғыс тул эмей.

...Извилистую долину реки Чуи кто не видал?
Это же безжизненная желтая степь.
Такую женщину кто не знает?
Ведь ты вдова, не бывшая замужем.
Кто не видал долины Катуни?
Ведь это крутые, плохие места.
Такую женщину кто не знает?
Ведь ты незамужняя вдова.[75]

Обычно состязание певцов проходило в течение нескольких дней. И побеждал более опытный, более талантливый. В данном случае победителем стал Калан. Находчивость, умение ориентироваться в обстановке, знание своего соперника, блестящая импровизация, острый юмор помогали ему стать победителем во многих состязаниях.

Состязания певцов происходили на многолюдных народных собраниях и празднествах. Слава о певце, одержавшем победу, быстро распространялась среди народа. Успех певца определялся его талантом, богатством жизненного и творческого опыта, его наблюдательностью и знаниями. Каждый певец должен был поразить слушателей глубиной мысли, привлечь их остроумием, неожиданностью сравнений, умением поставить своего соперника в крайне затруднительное положение. Этими качествами обладали многие народные певцы, в том числе и Калан, который владел незаурядным даром песенно-поэтической импровизации.

Народное песенное искусство складывалось веками. Мастерст-

---

[75] Сб. Устное народное творчество алтайского народа (на алт. языке). Горно-Алтайск, вып. 1, 1961, стр. 46—47. Перевод подстрочный. Песни записаны в с. Көө Улаганского аймака от П. Каланова в 1956 г. С. Суразаковым и Т. Тюхтеневым.

во передавалось от одного поколения к другому. Однако традиционность не исключает, а наоборот, предполагает свободное творческое использование певцами песенных богатств, полученных ими по наследству от отцов и дедов. В народных песнях постоянно звучит мотив о том, что певец сумеет найти свою мелодию, свою мысль, которая взволнует слушателей. Певцы, как и сказители, у каждого народа окружены вниманием, почетом. Песня говорит о том, что певцу слушатели предъявляют особое требование. Он должен обладать ясным умом, ему должны быть близки судьбы родного народа. Певец должен выразить то, что думает и чувствует народ.

* * *

Многие исследователи Алтая, в частности В. И. Вербицкий, отмечали, что у алтайских племен имелись и религиозные песни. Очевидно они были, но записи их не сохранились. Нет их и в народе. В. Г. Белинский писал о русском народе, что «в нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности... мистическая экзальтация не в его натуре; у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме»[76].

Великий критик показал это на анализе фольклора русского народа. Это можно сказать и об алтайцах, в фольклоре которых почти нет религиозных песен, если не считать песен бурханистов, возникших в начале XX века.

Песни слагались бурханистами в форме традиционной поэзии и были близки к их молитвам.

Многие бурханистские песни связаны с мифическим именем «Ойрот». Бурханисты пели о том, что «Ойрот» был, есть и будет, он бессмертен,«Ойрот-каан» скоро придет к нам, если мы будем верить и исполнять все то, что он скажет. В песне «Ойрот-каан керегинде кожоҥ» («Песня об Ойрот-каане»), записанной нами в 1966 году в Усть-Коксинском аймаке, говорится, что «Ойрот-каан» скоро вернется к своему «черному (буквально «черноголовому») народу» и будет управлять им. Но подобные песни не получили широкого распространения.

Вся жизнь алтайского народа неразрывно связана с песней. «Без песни, что без рук», — говорится в народе. Песня является драгоценнейшей частью культурного наследия народа. В ней он раскрыл самые сокровенные глубины своей души, создал сплав

---

[76] В. Белинский. «Письмо к Гоголю». Избранное. Изд. «Московский рабочий», М., 1954, стр. 526.

поэзии и мелодии. Исключительно богаты тематика и виды этих песен. В них представлены трудовые, свадебные, исторические, игровые, хвалебные, любовные и другие виды народных песен, отражавшие самые разнообразные стороны жизни алтайских племен в прошлом.

Собранное до Октябрьской социалистической революции песенно-поэтическое творчество алтайцев не изучалось. Прежние исследователи не оставили нам ни одной работы, которая рассматривала бы песенное творчество алтайцев со стороны эстетической, в социально-политическом аспекте. А между тем народные песни с большой художественной силой обнажали социальную несправедливость, клеймили позором всех тех, кто проявлял неуважение к честности, кто хотел или пытался жить за счет другого. Песенное творчество алтайцев помогало народу формировать прогрессивное общественное мировоззрение, которое в корне отличалось от взглядов господствующего класса. В песенном творчестве алтайцев отразились мечты и надежды народа на счастливую, свободную жизнь.

Эта вековая мечта всех алтайских племен осуществилась только после Великой Октябрьской социалистической революции, которая дала алтайцам настоящую свободу.

СОВЕТСКИЕ ПЕСНИ ГОРНОГО АЛТАЯ

Великая Октябрьская социалистическая революция всколыхнула широкие народные массы, подняла и привлекла их к активной общественной деятельности. Вместе с тем революция пробудила духовную жизнь народа. С первых лет Советской власти возникали все новые и новые народные произведения, насыщенные революционным содержанием.

Народная поэзия поднимала трудящихся на борьбу с врагами молодой Советской республики. С другой стороны, она свидетельствовала о коренном изменении в мировоззрении народа, о новых настроениях, о расширении его жизненных интересов и стремлений.

Когда страна перешла к мирному труду, к строительству новой жизни, нам нужно было, как говорил В. И. Ленин, «громадное повышение культуры». При этом В. И. Ленин указывал на то, что «культурная задача не может быть решена так быстро, как задачи политические и военные», что «по существу дела тут нужен срок более длинный, и надо к этому более длинному сроку приспособиться, рассчитывая свою работу, проявляя наибольшее упорство, настойчивость и систематичность».[1]

В. И. Ленин придавал особенно большое значение развитию культуры тех народов, которые при царизме находились в бесправном положении. Он указывал, что революция расковала огромные творческие силы народа, способствовала его культурному подъему. Надо было правильно направлять культурный рост, учитывая национальные особенности каждого народа.

О культурном подъеме народов Сибири писал А. М. Горький в своем приветствии Первому съезду литераторов Сибири в 1926 г.: «...Культурное значение этого съезда художников слова племен, населяющих Сибирь, не только в том, что люди, прожившие века тяжелой жизни под беспощадным гнетом старой русской власти, наконец, свободны», но и в том, что эти племена сами стали создавать свою национальную культуру[2].

Мудрая ленинская национальная политика развила культуру

---

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 174—175.
[2] Сб. Горький и Сибирь. Новосибирск, 1961, стр. 164—166.

алтайского народа, принесла огромные изменения в жизни бывших кочевников.

Культурному подъему алтайцев, развитию их поэтического творчества придавали большое значение местные партийные и советские органы. Так, X областная партийная конференция, проходившая в 1936 году, отмечала, что мы «должны взять на себя инициативу проведения похода за внедрение массовой революционной песни и музыки, одновременно изучая фольклорные материалы. Проведение такого похода обеспечит дальнейшее выявлние, собирание новых массовых алтайских песен, частушек, сказок, музыки и т. п.»[3].

Делу улучшения работы по собиранию и публикации песенно-музыкального творчества алтайцев большую помощь оказали московские, ленинградские и новосибирские композиторы и музыковеды. В 1930-х годах в Горном Алтае побывали композиторы А. Хитров, В. Мурадели, А. Кочарян, И. Раков, Б. Сальмонт, А. Новиков, А. Ильин, музыковеды И. Рыжкин, М. Невитов, А. Данилин и др. Они собирали музыкальный фольклор и создали ряд работ по музыке алтайцев. Некоторые народные песни, собранные ими, были опубликованы в областной периодической печати и в Москве.

Композиторы поставили перед местными фольклористами задачу по собиранию песенно-музыкального фольклора, по улучшению национальных музыкальных инструментов, по выявлению музыкальных кадров.

Открытие школ и клубов в горных селах, появление радио, издание произведений алтайских писателей и выпуск газет на родном языке, переводы на алтайский язык как художественных, так и народных произведений братских народов, создание театра и художественных самодеятельных коллективов и другие мероприятия партии и правительства способствовали развитию песенного творчества алтайского народа. Песенный жанр явился наиболее гибким, эффективным средством своевременного отражения всех тех событий, изменений, которые происходили в быту и общественной жизни народа. Песня рождалась в борьбе народа за новый быт, за новую жизнь и была орудием этой борьбы.

ПЕСНИ 1920—1930-х ГОДОВ (20—30 ЈЫЛДАРДЫҤ КОЖОҤДОРЫ)

Переходя к идейно-тематическому анализу алтайских народных песен советского периода, следует отметить, что характерной

---

[3] Партархив Горно-Алтайского обкома КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 14-21а, л. 38.

чертой собранных и опубликованных новых песен является преобладание в них тем, тесно связанных с общественно-политической деятельностью советских людей. Это песни о Коммунистической партии, о В. И. Ленине, о гражданской войне, о трудовых подвигах народных масс. Многие из них отражают новые социальные отношения между людьми. Появилось немало сатирических песен, критикующих отдельные отрицательные явления в жизни.

В советское время в алтайской народной среде бытуют многие жанры традиционных песен. Они исполняются наряду с современными песнями. Не следует при этом понимать, что современные певцы воспринимают традиции прошлого пассивно, лишь копируя их. Под непосредственным воздействием определенных социальных условий и культурных явлений традиционные песни изменяются, хотя развитие их несколько отстает от нового содержания.

Отмечая богатство и разнообразие тематики современного песенного творчества алтайцев, следует указать и на то, что оно развивается на основе многовековой традиции народного искусства. Алтайские советские народные песни представляют естественное продолжение и развитие традиционного песенного творчества. Эти песни отражают важнейшие периоды в жизни алтайского народа. Нередко новый песенный текст клался на известные традиционные мелодии. К ним прежде всего следует отнести песни гражданской войны, сатирические песни. В них бичуется враждебная деятельность главаря банды белых в годы гражданской войны в Горном Алтае атамана Сатунина, Тожулея, бая Аргымая и т. д. В песнях периода гражданской войны рассказывается о событиях и фактах, действительно имевших место в жизни, точно называются имена и фамилии реальных лиц, сообщаются достоверные историко-бытовые и географические детали. Например, в партизанской песне «Вороной конь» говорится о борьбе отрядов ЧОН[4] с бандитом Тожулеем и баем Аргымаем:

Төстөк јерди чапчыган
Төнөн тайда туйгак јок.
Төртөн јылга байыган
Төжүлейдиң јыды јок.
Арка јерди чапчыган
Ак-бородо туйгак јок.
Алтан јылга байыган
Аргымайдың јыды јок.

Вороной конь копытил землю долго—
Не осталось у коня копыт.
Богатевшего в течение сорока лет
Тожулея мы уничтожили.
Серый конь копытил землю долго—
Не осталось у коня копыт.
Богатевшего в течение шестидесяти лет
Аргымая мы уничтожили[5].

---

[4] ЧОН — части особого назначения.

[5] Народные песни алтайцев. Горно-Алтайск, 1962, стр. 22. Перевод подстрочный. Песня записана в с. Онгудае в середине 20-х годов.

Содержание песни современно, а мелодия ее традиционная. Подобное сочетание наблюдалось не только в первые годы после революции, но и в последующие годы, когда к бытующим традиционным мелодиям подбирались новые тексты.

Но в современном алтайском песенном творчестве практика создания народных песен на известные уже мелодии не является ведущей. Творческое начало активно проявляется тогда, когда новый напев создается путем переосмысления мотивов и интонаций традиционных народных песен. Примером могут служить песни о партии, о Ленине, о Советской власти, о наших успехах в строительстве коммунизма. В мотивах этих песен чувствуется радость нового человека. Они активно претворяют в жизнь новые идеи и темы.

В период гражданской войны резко изменился характер народной песни. В них зазвучали призывы к борьбе против врагов революции, к борьбе за свободу. Широкое распространение получили партизанские песни. Одной из популярных песен периода гражданской войны была песня «В села наши горные...» Впервые она была записана в середине 30-х годов алтайскими фольклористами и опубликована на русском языке в сборнике «Песни Ойротии». Алтайский текст, как и оригиналы других песен, включенных в этот сборник, утерян. Отсутствие его затрудняет делать сравнительный анализ с русским переводом.

В песне выражен гнев народа, его ненависть к врагам революции. «Своры врагов» разоряли юрты алтайцев, убивали людей за сочувствие к Советской власти. За «разбой», за «пожарище» народ «затаил в своем сердце огонь мести». Ненависть помогала алтайским партизанам вести трудную борьбу с белогвардейцами, поднимала их боевой дух. Только в борьбе партизаны «добыли власть свою и свое счастье», — говорится в песне. Народ называет врагов «белыми волками», «сворой», «разорителями», а партизан — «товарищами», защитниками простых людей; в борьбе с врагами партизанам помогает весь народ.

В другой песне, посвященной также теме гражданской войны, «Когда кони наши сыты...» выражена сила, отвага партизан, их уверенность в победе над врагом, подчеркнута руководящая роль коммунистов в партизанском движении:

Ак боробыс семисте,
Агын сууны кечерис...
Большевиктерге баштадып,
Бандиттерди кырарыс...

Когда кони наши сыты,
Перейдем мы быстрые реки...
Большевики ведут нас в бой,
Бандитов мы всех уничтожим...[6]

[6] Сб. Народные песни алтайцев. Горно-Алтайск, 1962, стр. 21. Песня записана в 1937 г. от П. Кучияка в г. Горно-Алтайске. Перевод подстрочный.

Бесстрашие, отвага партизан выражена словами: «живы шесть товарищей отважных, — им шестьсот бандитов не страшны». Они всегда будут «бить врагов без промаха» и защищать завоевания Октября. В оптимизме вся сила песни.

В 20-х годах, кроме песен о гражданской войне, народ слагал и другие песни. Большинство из них говорит о тех изменениях, которые были порождены советским строем. Все лучшее, прекрасное в жизни алтайцы связывают с Советской властью:

Сары чөлдиҥ өлөҥин
Салкын согуп сергитти.
Санааркап јӱрген бойысты
Совет јаҥыс јыргатты...

Желтую траву степную
Освежил весенний ветер.
Власть Советская от гнета
Навсегда нас освободила...[7]

В поэтическом творчестве алтайского народа большое место занимают песни о Ленине. Они теснейшим образом связаны с песнями о партии. В них выражено глубокое, искреннее чувство любви и уважения, преданность и благодарность народа к своей партии и ее вождю Ленину, которые «спаяли в одну семью родную все народы нашей родины» и привели их «к счастью, светлой жизни».

Образ Ленина воплотился в поэтическом творчестве всех народов нашей страны. Массы, поднявшиеся к творческому труду, создавали многообразные поэтические произведения о Ленине и партии. Это многообразие проявилось не только в богатстве фольклорных жанров, но и в тематике. Народ говорит в своих песнях, что «высокая слава нашей родины молодой» сравнима только с партией, с именем «мудрого родного вождя Ленина»; партия и Ленин «дали народу свободу и светлую жизнь», освободили от темноты и забитости.

В одной из популярных песен о Ленине народ так говорит о вожде:

Санаан сениҥ ол бийик,
Бистиҥ ырызыс — Ленин.
Сагыжыҥ сениҥ ол терең,
Јон ундыбас Ленин.
Ойгорыҥ сениҥ ол өчпөс,
Албаты сӱӱген Ленин.
Јоктуларды шырадаҥ
Сен айрыдыҥ, Ленин.
Өштӱлерле тартыжарга

Мысли твои высокие,
Наше счастье — Ленин.
Думы твои глубокие,
Незабываемый Ленин.
Мудрость твоя не угаснет,
Любимый народом Ленин.
Бедных от горького рабства
Ты освободил, Ленин.
С врагами бороться

---

[7] Народные песни алтайцев. Горно-Алтайск, 1962, стр. 17. Перевод подстрочный. Песня записана в Улаганском аймаке в 20-х годах.

Бисти ӱреттинг, Ленин.
Коммунизмге јолды сен
Јарыдып бердинг, Ленин.

Нас научил Ленин.
Дорогу в коммунизм
Нам осветил Ленин[8].

Алтайский народ подчеркивает в песне, что Ленин самый смелый, мудрый, родной, любимый, самый скромный человек, он наше счастье, наш освободитель.

В 20-х годах образу Ленина сказители в своих произведениях придавали гиперболические черты, что в тот период было свойственно всем народным певцам. Однако в народных песнях образ Ленина не фантастический, а реальный, он близок и дорог народу. Смерть Ленина явилась величайшей утратой не только для партии, но и для всего советского народа. Эта скорбь охватила трудящихся всего мира. Свое горе алтайский народ выразил в песнях такими словами:

Когда ты умер, великий Ленин,
Были в горе девяносто народов.
В девяноста странах отдалось эхом
Тяжелое горе многих народов...[9]

Выше гор, шире всякого моря,
Тяжелее земли сырой
Было наше народное горе,
Когда умер он, самый родной[10].

Но народ понимал, что со смертью Ленина не умерло его великое дело. Ленин оставил «мудрый яркий луч» своего учения. Образ его вечно будет жить в сердцах народа, как вечно светит народу солнце. Он «не умер», «Ленин будет жить века», «из поколений перейдет в поколения мудрость слов твоих, Ленин». В песнях говорится, что после смерти Ленина партия «повела страну дальше по ленинскому пути от победы к победе».

Немало песен алтайским народом сложено о Конституции.

Бийик агаш бажында
Куштар кожогы угулат.
Кеен Алтай ичинде
Јаңы Закон макталат.
Јараш јалангдар јаскыда
Јажыл торколо бӱркелет.
Јаңы Закон бистерге
Јайым јӱрӱм экелет.

Песни птиц раздаются
На вершинах высоких деревьев.
Слава о новом Законе
По всему Алтаю разносится.
Шелком зеленым долины
На Алтае весной покрываются.
Новый Закон на Алтай принес
Жизнь свободную и счастливую[11].

Поэтому Конституция Советского государства воспринимается народом как «счастье», «победа», «сила» советских людей, как

---

[8] Народные песни алтайцев. Горно-Алтайск, 1962, стр. 10. Перевод подстрочный.

[9] Песни Ойротии. Новосибирск, 1938, стр. 21. Перевод Е. Березницкого.

[10] Песни Ойротии. Новосибирск, 1938, стр. 15. Перевод В. Непомнящих.

[11] Сб. Народные песни алтайцев. Горно-Алтайск, 1962, стр. 28. Перевод подстрочный. Песня записана в Онгудайском аймаке от Дьекенова В. в 1936 г.

всенародный праздник. В поэтическом творчестве указано что создателем новой Конституции является сам народ:

Где такое бывало на свете,
Чтоб законы творил сам народ?
А у нас они пишутся теми,
Кто в нужде и лишеньях жил век[12].

Свободный народ создал свою Конституцию, в которой записаны все завоевания, все достижения советских людей. Вот почему все народы нашей страны слагают о ней свои прекрасные песни.

Ведущей темой народного творчества 30-х годов было колхозное строительство. Певцы слагали песни о коллективном труде, воспевали лучших людей колхоза, новые сельскохозяйственные машины, преобразующие труд и весь уклад жизни сельских тружеников:

Комургай өлөң чайнаарга
Койдың тижи курч эмей.
Кожоңбыла иштеерге
Колхоз ижи јакшы эмей.
Баргаа өлөң чайнаарга
Малдың тижи курч эмей.
Мөрөйлөжип иштеерге
Колхоз ижи јакшы эмей.

Сочную траву жевать
Овечьи зубы крепки.
Хорошо в колхозе,
Если с песней работаешь.
Густую траву жевать
Зубы у лошадей крепки.
Хорошо в колхозе,
Если, соревнуясь, работаешь[13].

Возникновение новых песен о колхозах теснейшим образом связано с трудовым подъемом народа в это время. В лучших из них нашли свое отражение факты, типичные для всей советской колхозной деревни 30-х годов. Слушая песни того времени, мы очень легко можем отличить их от других песен. В них торжественны и музыка, и слова, ярко и точно выражен дух эпохи.

Песенный фольклор этих лет оценивает происходящие события с позиции народа. Главным героем песен стал человек с новым взглядом, мировоззрением. Он борется за новую жизнь, за колхозный строй. Созданные в эти годы песни приобрели известность среди трудящихся нашей Родины. Лучшие из них вошли в сборник «Творчество народов СССР» (М., 1937 г.); в журнале «30 дней» помещены песни: «Это имя повсюду знают», «Если не было щедрого света», «Что есть краше», «Есть в Алтае вершина»[14].

---

[12] Песни Ойротии. Новосибирск, 1938, стр. 26. Перевод В. Непомнящих.

[13] Сб. Народные песни алтайцев. Горно-Алтайск, 1962, стр 36. Песня записана в с. Ело Онгудайского аймака в середине 30-х годов. Перевод подстрочный.

[14] «30 дней». М., № 10, 1937, стр. 45—47.

Возникая в среде, где фольклорные традиции наиболее прочны, живучи, современные песни, естественно, близки по своему складу к традиционным песням. Новое, что принесла Советская власть, алтаец видит в каждом конкретном факте, в каждом явлении нашей жизни. И потому-то новые песни алтайцев так сильно наполнены жизненно-фактическим содержанием.

В связи с коренными изменениями в жизни алтайцев изменяется содержание и некоторые художественные приемы традиционных песен.

Новое содержание обновляет старую форму, изменяет ее. Такой обработке народные песни подвергались в течение многих веков. Наблюдается она и в наше время. Мы встречаем целый ряд алтайских песен, записанных в самых различных вариантах. В этом отношении советская песня, воплотившая лучшие традиции устного народного творчества прошлого, является новым высшим этапом в развитии песенного жанра алтайского народа.

В песнях 30-х годов даны обобщенные образы простых советских людей — колхозников, воинов, новаторов производства, учителей, комсомольцев и т. д. Песня из современной действительности берет наиболее актуальные темы, которые отражают изменения, происходящие в жизни народа. Советские песни алтайцев этого периода всем своим идейным содержанием утверждают новую, социалистическую действительность, колхозный строй, повествуют об освободившейся от многовековой кабалы, нищеты и темноты деревне, отражают многообразие и сложность социальной жизни, сложность человеческих взаимоотношений, мыслей и чувств народа.

Одной из первых тем, затронутых в алтайских народных песнях 30-х годов, было применение новой сельскохозяйственной техники в коллективном труде, которое способствовало переделке сознания крестьянина, изменяло методы обработки земли.

Все это нашло отражение в песенном творчестве алтайского народа. Так, старый пастух, сравнивая свою прошлую тяжелую жизнь с настоящей, говорит с гордостью о тракторе, который облегчает его труд:

...Где я бедным жил до седых волос,
Где отцы и деды истлели,
Вырос наш колхоз, молодой колхоз,
Тракторы в полях загудели...[15]

В этом алтаец видит свое счастье, осуществление своей мечты, огромную роль советского государства. Поэтому старому пастуху

---

[15] Песни Ойротии. Новосибирск, 1938, стр. 34. Перевод А. Смердова.

хочется быть «молодым», работать для своего народа, «не состариться никогда».

Советская власть не только освободила бывших кочевников от темноты, угнетения, принесла радостную и счастливую жизнь, но и дала им возможность сесть за штурвал комбайна, повести тракторы и автомашины по колхозным полям. Это было совершенно новое явление в жизни алтайского народа. Теперь алтаец заявляет, что он может «к облакам поднять аэроплан, по дорогам белым промчаться на автомобиле»:

Я — алтайский пастух, кланяюсь
новой весне.
Свежему солнцу смеется птица.
Здравствуйте, горы! Здравствуйте,
реки!
Здравствуй, белый огонь водопада!
Здравствуй, сосновая хвоя!
Открой свои красные уши и слушай:
Я здесь проходил как ничтожный
пастух богача,
Теперь я — хозяин-колхозник![16]

Вековая мечта народа о счастливой и свободной стоянке осуществилась:

Где трава не сохнет и не желтеет,
Где цветы синие и голубые круглый
год цветут,
Откуда птицы не улетают и зверь
не бежит[17].

Поэтому с такой любовью и радостью приняли трудящиеся массы колхозную жизнь и стали слагать о ней новые песни.

Действительно, если в старых алтайских песнях говорилось, что «шею зверя пуля режет, а шею человека — бедность», то в новых колхозных песнях отражается сила коллектива, радость колхозной жизни; теперь алтайцы поют, что в колхозе «не прольет беднота теперь реки слез», потому что «свет и радость принес колхоз».

Наряду с темой применения новой техники в песнях 30-х годов выделяется и становится одной из ведущих на протяжении всего периода тема социалистического труда, преобразившего облик края. Свободный труд воспевается как источник личного и общественного счастья. Эти песни говорят о том, что в связи с изменениями в жизни алтайцев, изменилось само понятие труда, цель работы, отношение человека к труду и людей между собой в процессе труда.

---

[16] Творчество народов СССР. М., 1937, стр. 379.
[17] Сб. Великая дружба. Горно-Алтайск, 1956, стр. 65—66.

Дружная коллективная работа не только облегчает труд колхозников и поднимает его производительность, но и «чудеса творит», воспитывает любовь к труду. Алтаец в своих песнях говорит, что свободный труд создает материальное и духовное богатство народа и «кует счастье для коллектива, открывает недра гор, урожай с полей берет», поэтому он призывает всех колхозников работать честно, дружно, «без оглядки назад колхозным путем идти вперед к коммунизму».

В песнях этого цикла, как правило, веселых по своей интонации, ярко поэтизируется трудолюбие, умение мастерски выполнять любую работу. В них всегда подчеркивается, что прослыть трудолюбивым, мастером своего дела — высшая награда для человека. Именно такие песни были любимы народом и получили широкое распространение в советское время.

Новые песни подчеркивают разницу между свободным, радостным трудом в стране победившего социализма и подневольным трудом в дореволюционном Алтае:

Ол тужунда мен
Јайы-кыжыла иштеп,
Тўни-тўжиле аштап јўретем...
Эмди кей де ару,
Тенгери де јарык немедий.
Эмди мен колхозтың малчызы,
Төрөл өзөктө јўрўп јадым...

Я раньше работал днями и ночами,
Голодал зимой и летом...
И теперь пастухом колхозным
Еду я по долине родной.
Даже кажется слаще воздух,
Небо ярче горит надо мной...[18]

Большим событием в быту алтайцев стало появление электричества и радио. «Куда б ни кинул взгляд — золотые огни горят»; «радио новости скажет и научит, и развеселит, а ведь раньше об этом даже не мечтал наш бедняк-теленгит» — запели народные певцы.

Широкое отражение в песнях алтайского народа получила культурная революция. Появились песни, призывающие взрослых и детей учиться:

...Бичик — экинчи кўн...
Бичик билбези — көс јокко тўнгей.
Ўй ле эр улус, — ликпунктка келигер!
Балдар, — школго барыгар!..

...Грамота — второе солнце...
Неученый — то же, что слепой...
Женщины, мужчины,—на ликпункты!
Дети, — в школу радостной
гурьбой!..[19]

---

[18] Газ. Кызыл Ойрот, 16 декабря 1936 г. Перевод В. Непомнящих. Песня сложена А. Чоковым.

[19] Газ. Кызыл Ойрот, 16 декабря 1936. Песня сложена А. Чоковым.

Учар ла куштың уйазы
Узун агаш бажында.
Уулдар ла бистиң јыргалыс
Улу ла бичик ичинде...

Перелетная птица свивает гнездо
На вершине высокого дерева.
Мы, молодежь, счастье находим
В мудрых страницах книги...[20]

Таким образом, переход к сплошной коллективизации и культурная революция в деревне обогатили песню алтайского народа новыми темами, новыми фактами. Электричество, радио, телефон, кино, школа, книги отмечаются песней как значительные этапы становления нового социалистического быта и культуры алтайцев в 20-30 годы. Эти понятия прочно вошли в жизненную практику алтайского народа.

Но алтайское народное песенное творчество не ограничивается только этими темами. Народ слагает песни о комсомоле и молодежи, о детях, о советской женщине. В песнях о комсомоле говорится, что молодежь является проводником всего передового в жизни деревни, борется с отрицательными сторонами в быту и врагами колхозного движения. Комсомольцы знакомят массы с новыми событиями, происходящими в нашей стране, с решениями партии и правительства. Они являются примером для всего села:

...Конгыр-јеерен адыска
Тең минелик, ӱӱрелер!
Комсомолдың јаңына
Тең кирелик, ӱӱрелер!..

...На чалых конях-аргымаках
Будем дружно ездить, друзья!
В комсомольскую семью большую
Дружно вольемся, друзья!..[21]

Значительное место в алтайских песнях занимает тема советской женщины. Основным содержанием этих песен является раскрепощение женщин и та огромная роль, которую они стали занимать в жизни советского общества. Свободная жизнь, в которой женщина имеет одинаковые права с мужчиной, во многих песнях сопоставлена с прошлой тяжелой женской долей.

В изображении прошлого мы видим знакомые мотивы старых свадебных и семейно-бытовых песен. Создатели песен вспоминают то время, когда женщин «не считали за людей, их за деньги, как скот, продавали для забавы сердитых мужей».

Новые условия в корне изменили положение женщин в обществе. Они становятся активными строителями новой жизни. И в песнях, посвященных советской женщине, уже слышатся не

---

[20] Сб. Народные песни алтайцев. Горно-Алтайск, 1962, стр. 47. Перевод подстрочный. Песня записана в с. Балыкча Улаганского аймака в 1936 г. И. Тантыевым.

[21] Сб. Народные песни алтайцев. Горно-Алтайск, 1962, стр. 25. Песня записана от Кургуловой Н. М. в с. Шебалино в 1955 г.

старые унылые мотивы, а бодрые, радостные мелодии. В них говорится, что «старый мир разбит и сожжен» и создана новая жизнь, которая «защищает девушек и жен». В этом большая заслуга советского государства и нашей партии.

В 20-30-е годы по-новому осмысливается содержание народных песен. Изменилась жизнь — изменяются и взаимоотношения людей, изменяется характер песен. Теперь любимыми образами народных песен становятся передовики производства, лучшие люди колхозного села — строители социализма:

Все в колхозе изменилось,
И девчат не узнаю:
Все в стахановцев влюбились,
Остальных не признают!..

Черной смородины что черней?
Кто комсомолок милей-красивей?
Красной смородины что красней?
Кто же милее колхозных парней?[22]

Тематика современных песен алтайцев отражает все многообразие и сложность человеческих взаимоотношений и понятий, мыслей и чувств людей.

Новые изменения в быту и в общественной жизни страны не проходили гладко. Они встречали серьезное сопротивление со стороны классовых врагов и старых традиций. Чтобы построить новую жизнь, нужна была решительная борьба.

Кулаки усиленно распространяли антиколхозные песни, переделывая для этого тексты старых народных песен, особенно таких, в которых выражались чувства тоски, горя, печали. Так, например, используя особенности композиционного построения народных песен, основанных на образном параллелизме, вставляли слова, смысл которых носил антисоветский характер.

Но подлинные народные песни призывали к борьбе с кулаками, с остатками капитализма. В них с особой остротой выражены ненависть и презрение народа к кулаку, который являлся:

Злее волка и лисы хитрее,
Ядовитее любой змеи,
Хуже злобной пурги холодной.
Враг портит наш колхозный труд,
Точит злобный клык на колхозный гурт...[24]

Кулаки оказывали отчаянное сопротивление коллективизации. Они убивали коммунистов, активистов колхозного движения,

---

[22] Песни Ойротии. Новосибирск, 1938, стр. 106—107. Перевод В. Неномнящих.

[23] Песни Ойротии. Новосибирск, 1938, стр. 63—64. Перевод Е. Березницкого.

поджигали колхозное имущество, агитировали крестьян за массовый убой скота перед вступлением в колхозы.

В песнях, частушках, пословицах, поговорках алтайского народа запечатлелось все развитие колхозного строительства.

Колхозные песни говорят, что классовый враг не дремлет, он пристально присматривается ко всему, что делается в колхозе. Пользуясь каждой заминкой и каждым упущением, враг стремится запугать крестьян, подорвать их веру в партию, колхоз и помешать колхозному строительству. Эту политику кулаков понимали сами колхозники.

Пока жеребенок не станет крепче,
Легче его волкам поймать.
Пока колхоз не окрепнет, легче
Его работе врагам мешать[25].

говорится в песне.

Когда открытое выступление кулачества было сломлено, враги прибегли к новому методу борьбы. Проникнув различными путями в колхозы, они стремились развалить их изнутри. Поэтому перед колхозниками стояла задача, «чтоб не влез в колхоз бай и кам», а если они проникли, то нужно найти и «вырвать с корнем»; «коль врага мы найти сумеем, не страшны бураны и мороз; с каждым днем будет жить дружнее, будет крепнуть родной колхоз», — говорится в песне.

Песни колхозной деревни 30-х годов предупреждали не забывать ни на минуту о существовании классового врага, помнить о нем, помогать нашей партии бороться с ним: «где б ты не работал, твердо помни — может навредить проклятый враг!»; коллективы должны быть «в согласьи слиты», способными принести «свет и радость» колхозу.

Несмотря на отчаянное сопротивление кулачества, оно было ликвидировано советским народом под руководством Коммунистической партии. Быстрый рост силы и могущества нашей Родины вызвали ненависть империалистических держав. Они угрожали нашей стране войной и блокадой. Капиталистическое окружение и все возрастающая военная опасность заставляли крепить оборону страны, укреплять Советскую Армию. Отражением этих событий является возникновение оборонных песен.

Оборонные песни призывали к борьбе с врагами нашей Родины, к укреплению нашей славной армии и защите великих завоеваний советского народа. Песни отражали любовь и внимание народа к своей армии:

---

[25] Сб. Песни Ойротии. Новосибирск, 1938, стр. 64. Перевод Е. Березницкого.

Наша пуля метко бьет,
Наш боец не промахнет.
С Красной Армией геройской
Кровно спаян весь народ[26].

Оборонные песни включали в себя известные лозунги:

Никогда врагу не отдадим мы
Наших пашен, гор, родных полян!
Всякий знает, что непобедима
Армия рабочих и крестьян![27]

В 20—30-е годы много песен было посвящено советским пограничникам. В них говорилось о бдительности и зоркости защитников советских границ, их преданности социалистической Родине, готовности бороться с врагами до конца:

На границе ходят часовые,
Не пройдет на нашу землю враг.
У них ружья меткие и шашки,
Их боится злобный враг[28].

В 30-е годы в полную силу в песнях алтайцев зазвучала антифашистская тема. В них подчеркивалась возможность нападения на нашу Родину со стороны фашистов и готовность советских людей отстоять все свои завоевания от врагов, встать, как один, на защиту своей страны:

Если фашисты пойдут войной, —
Пойдем воевать, товарищ!..
Если враг чужеземный нагрянет, —
Встретим бесстрашно врага,
товарищ![29]

В этой песне народ выражает глубокую уверенность в своем могуществе, в своей силе. Алтайцы слишком хорошо помнят свою жизнь в прошлом:

Были забиты, неграмотны,
Не знали, где спрятаны счастья
ключи.
Гнули спину на бая и пели
Песни печальные...[30]

---

[25] Песни Ойротии. Новосибирск, 1938, стр. 79. Перевод Е. Березницкого.
[26] Песни Ойротии. Новосибирск. 1938, стр. 80.
[27] Там же, стр. 85. Переводы В. Непомнящих.
[28] Песни Ойротии. Новосибирск, 1938, стр. 82—83. Перевод А. Смердова.
[29] Песни Ойротии. Новосибирск, 1938, стр. 80. Перевод В. Непомнящих.

Поэтому народ с ненавистью говорит о врагах нашей родины и с любовью отзывается о своей «могучей Советской Армии», которая надежно «защищает нас» и охраняет великие завоевания советского народа.

Таким образом, во всех оборонных песнях алтайцев отражается единство народа и армии, призыв к борьбе с врагами родины. В этом сила и значение советских оборонных песен алтайцев.

В 30-е годы алтайским народом был создан ряд песен, призывающих трудящихся всего мира бороться за свободную и счастливую жизнь. Алтайцы хотят, чтобы свободная радостная жизнь была и у других народов, которые еще находятся под гнетом капитала. Для того, чтобы люди всего мира поняли величие СССР, нужно рассказать им о советской стране. И алтайцы «посылают в дальние страны золотую кукушку» («алтын кӱӱк»—любимая птица у алтайцев):

Над поверхностью океанов,
Не затронув крылом волны,
Ты лети к отдаленным странам
Из счастливой моей страны, —
Золотая моя кукушка!
Пролетай же и расскажи
Всем народам про нашу жизнь,
Пролетай же по белому свету —
Расскажи про страну Советов,
Нашим братьям привет передай
И лети скорей на Алтай, —
Золотая моя кукушка!..[31]

Многие песни призывают наших «зарубежных друзей учиться у нас», бороться, как боролись советские люди, свергнуть ненавистную власть и построить такую же жизнь, как в СССР:

Мы буржуев первые на свете
Свергли, —
глядите на нас!
Мы социализм в стране Советов
строим, —
учитесь у нас!

Братья зарубежные! Все дружно
поднимайтесь,
глядя на нас!
Власть рабочих и крестьян с оружием
завоюйте,
учась у нас![32]

Песни наполнились новым содержанием, связанным прежде всего со сложным международным положением тех лет.

Тематика алтайских народных песен после Октябрьской революции охватывает новый быт, работу партии и комсомола, колхозное строительство, укрепление обороноспособности страны — словом все узловые вопросы жизни. В этих песнях воспевается наша Коммунистическая партия и ее вождь Ленин, алтайские колхозники высказывают свою преданность делу строительства социализма. Эти песни распространены повсеместно, их можно было слышать во всех селах нашей области.

---

[31] Сб. Песни Ойротии. Новосибирск, 1938, стр. 110. Перевод А. Смердова.
[32] Там же, стр. 46. Перевод В. Непомнящих.

ПЕСНИ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

(Ада-Төрөл учун Улу јуу керегинде кожоңдор)

Песенное творчество алтайцев периода Великой Отечественной войны — качественно новый этап в развитии фольклора алтайского народа. Оно не может рассматриваться ни как подобие народной поэзии гражданской войны, ни как простое развитие оборонных песен, хотя его подъем, несомненно, связан с градиционными сказаниями алтайцев, с песнями гражданской войны, с советской массовой песней 30-х годов. Его необходимо рассматривать, как новое явление, новое народное творчество, созданное широкими народными массами в определенных условиях.

Основным видом фольклора в дни войны была песня, которая отличалась патриотическим содержанием, искренностью, правдивостью.

Если в русском, украинском и белорусском фольклоре этого периода ведущим был фронтовой фольклор, то алтайский фольклор создавался в тылу. Создателями их были матери, сестры, невесты воинов, ушедших на фронт.

Песни эти можно разбить на следующие виды: песни-наказы, песни-клятвы, песни-прощания, песни-письма, песни о победе, песни-ожидания.

Большой интерес представляют песни-наказы. Провожая своих сыновей на фронт, алтайцы давали им наказ в форме песни разбить врага и защитить свою Советскую Родину. Песни-наказы построены на основе традиционной народной поэзии, создатели их заимствуют образы из героических сказаний:

Арка јерге јелерде,
Адыҥ оозын јазап тут.
Ачап таҥма өштүҥиҥ
Арка-мойныҥ үзе тут.
Өрө-төмөн јелерде,
Өлө адыҥ јазап тут.
Өлүмдү јууга кирерде,
Өлбөс баатыр болуп бүт.

По склону горы будешь ездить,
Повод лошади крепко держи.
Проклятого врага
Беспощадно ты уничтожай.
Если будешь по низине ездить,
Пегого коня крепко держи.
В жестоком бою
Будь бесстрашным богатырем[33].

Значительное место в песенном репертуаре военных лет занимало прощание солдата с любимой девушкой. Эти песни проникнуты лиризмом, задушевностью, в них много теплых слов, хороших пожеланий. Отправляясь на фронт, парни обращались к своим любимым со словами:

---

[32] Запись автора. Перевод подстрочный. Песня записана в с. Яконур Усть-Канского аймака от Кокпоевой Казак в 1967 г.

Арка јердиҥ ичинде
Адым турза, көрүп јүр.
Армияга салерзем,
Айдышкан көөркий, санап јүр.
Јер боочы үстинде
Јеереним турза, көрүп јүр.
Германияга салерзем,
Јеримдеги көөркий, санап јүр.

Если на склоне горы мой конь будет пастись,
Ты за ним присматривай.
Если в армию я уеду,
Милая моя, вспоминай меня.
Если на перевале конь мой будет пастись,
Ты за ним присматривай.
Если в Германию уеду я,
Милая моя, вспоминай меня[34].

Девушки в ответ пели:

Сары чөлдиҥ түбине
Сала бертен көөркийлер.
Солдат болуп баратан
Салымы кату көөркийлер...

В бескрайние степи
Вы уедете, милые.
В солдаты вы отправляетесь,
Суровые испытания вас ожидают...[35]

Женщины-алтайки, как и женщины всех народов нашей страны, наряду с мужчинами героически трудились на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах, ковали оружие победы над врагом, песнями сопровождая свой труд. Они говорили:

Кунукчылду узун јолды
Кунуклай канайып көрөйин.
Катуга барган көөркийдиҥ
Канайып јанарын сакыйын...

На дорогу дальнюю, грустную
Глядеть с тоской не устаю.
Ушедшего на фронт милого
С надеждой ждать не устаю...[36]

Песни-ожидания занимают доминирующее место в цикле песен женщин. В них темы военно-патриотические переплетались с темами личными. В своих песнях женщины с надеждой говорят о встрече с любимым, о скором возвращении с фронта бойцов. Песни полны оптимизма, веры в победу советских людей.

В среде молодых женщин бытовали и песни-письма:

Казылганныҥ төзинеҥ
Казып эткен чернилам.
Калапту јуурга барарда,
Карузып ийген письмом.
Буланаттыҥ төзинеҥ
Будуп эткен чернилам.
Бу алтайданҥ барарда,
Буурзап ийген письмом...

Из сока красной ягоды
Я сделала чернила.
Уехавшему на фронт
Я с любовью шлю письмецо.
Из сока черной ягоды
Я сделала чернила.
Уехавшему на фронт
Я с любовью шлю письмецо...[37]

---

[33] Песня записана в с. Кумжулу Шебалинского аймака от Кокышевой К. в 1957 г. Перевод подстрочный.

[34] Запись автора. Перевод подстрочный. Песня записана в г. Горно-Алтайске от Кокышевой К. в 1965 г.

[35] Запись автора. Перевод подстрочный. Песня записана от Кокышевой К. в 1965 году в г. Горно-Алтайске.

[36] Запись автора. Перевод подстрочный. Песня записана в Горно-Алтайске от Кокышевой К. в 1965 г.

Бойцы с фронта отвечали женам такими же песнями. Приведем пример:

Куйругында кулалу
Кула тай кайда туру не?
Кулагында сыргалу
Көөркийим кандый јўрў не?
Сагадында сарылу
Сары тай кайда туру не?
Сабарында јўстўктў
Көөркийим кандый јўрў не?..

С пушистым хвостом
Саврасый мой конь где же стоит?
С золотыми серьгами,
Милая моя, как ты живешь?
С желтыми пятнами на голове
Рыжий мой конь где же стоит?
С золотым кольцом на пальце
Милая моя, как ты живешь?..[38]

Появление этого жанра было продиктовано обстановкой. Через песенные письма устанавливалась связь между тылом и фронтом, выражались самые сокровенные чувства людей. В них более ярко отразилась связь героико-патриотической тематики с бытовой лирикой. Эта связь является характерной чертой алтайских народных песен, созданных в дни войны.

В нашем народе особую популярность имели те песни, которые слагались тут же, по горячим следам войны, советскими поэтами и композиторами. Они призывали к защите родной земли: «Священная война» В. Лебедева-Кумача, «Землянка» А. Суркова, «Огонек» М. Исаковского, «Я уходил тогда в поход» Е. Долматовского и другие. Некоторые из них были переведены на алтайский язык.

Развитие массового песенного творчества в эти годы стимулировалось всенародным патриотическим подъемом, боевым и трудовым энтузиазмом всех советских людей, стремлением народа к отражению в своем творчестве беззаветной любви к родине. Личная жизнь каждого советского человека в эти годы находилась в неразрывной связи с важнейшими военными событиями.

По форме мелодии песен этих лет во многом следуют традициям алтайских песен 20-х и 30-х годов, но в их интонациях все же чувствуется отпечаток суровых военных лет. Бодрые, волевые интонации звучат в прощальной песне молодого воина и девушки, в песнях-наказах, в песнях-ожиданиях, в песнях-письмах.

Основными художественными образами алтайских народных песен этих лет являются молодой воин и девушка. Они не конкретны, не индивидуальны, а даются в обобщенном виде. Если в русских народных песнях военного периода встречаются конкретные образы участников войны — определенного бойца или командира, партизана, — то в народных песнях алтайцев нет образа определенного индивидуума. Приведем пример:

---

[38] Запись автора. Перевод подстрочный. Песня записана в с. Кулада Онгудайского аймака от Кундуевой Тадыл в 1967 г.

Ак бородо сооду јок,
Арыганы бу туру.
Айдышканнаг суру јок,
Ыраганы бу туру.
Кара тайда сооду јок,
Арыганы бу туру.
Карындаштаг суру јок,
Ыраганы бу туру.

Путь далек, спотыкается мой конь,
Значит, устал мой аргымак.
Голоса милого я не слышу,
Значит, расстались мы навсегда.
Тоскливо ржет мой конь в пути,
Значит, устал мой аргымак.
Голоса брата я не слышу,
Значит, мы разлучены[39].

Победа советского народа в Великой Отечественной войне вызвала новый подъем песенного творчества алтайского народа. Были созданы проникновенные песни, выражающие радость народа.

Возвращение фронтовиков было праздником, народ поздравлял воинов-победителей песнями-встречами. При встрече с воинами, например, пели такую песню:

...Јууган өлөң корболу,
Јуудаң јанган јыргалду.
Чапкан өлөң корболу,
Чактаң јанган јыргалду...

...Убранное сено оставляет корни,
С войны вернувшиеся обретают счастье.
Скошенная трава оставляет корни,
С войны вернувшиеся живут счастливо...[40]

В песне выражена мысль, что народ, который борется за правое дело, никакому врагу не победить.

ПЕСНИ 1950—1960-х ГОДОВ (50—60 ЈЫЛДАРДЫҢ КОЖОҢДОРЫ)

Одной из ведущих тем в алтайской народной песне после войны было восстановление народного хозяйства. Эта тема вдохновила народных творцов на создание новых песен о труде, как об основе расцвета жизни советских людей.

Другой актуальной темой явилась борьба советского народа за мир. В алтайской народной песне говорится, что борьба за мир является делом всех советских людей, что она овладевает умами и сердцами миллионов трудящихся всего мира, что слово «амыр-энчӱ» («мир») становится самым дорогим словом у алтайцев. Народные певцы обращались к людям со словами:

...Теңериниң јылдызы
Текши тӱңей болор бо?
Телекейдиң санаазы
Текши тӱңей болор бо?

...Небесные звезды
Будут ли все одинаковыми?
Думы народов земли
Будут ли все одинаковыми?[41]

---

[38] Песня записана от Кокышевой К. в 1966 г. в г. Горно-Алтайске. Перевод подстрочный.

[39] Полевые записи автора. Перевод подстрочный. Песня записана в с. Кулада Онгудайского аймака от Этенова Сорпона в 1967 г.

[40] МНКЭ, № 15-б. Песня записана в Кош-Агачском аймаке в 1959 г.

Такие песни появились тогда, когда империалисты стали разжигать пламя холодной войны.

Новая песенная тематика алтайцев расширила интонационную, ладовую сторону народных песен. Сохраняя тесную связь с народно-песенной традицией прошлого, современные песни по своему содержанию и музыкальному языку представляют собой качественно новое явление в алтайском народном песенном творчестве. Под влиянием профессиональной музыкальной культуры и массового песенного творчества советских композиторов непрерывно развивается и обогащается песенно-музыкальная культура алтайского народа. В новых песнях сочетаются мелодии старинных протяжных песен и бодрые, жизнерадостные мотивы советской массовой песни. Алтайские композиторы, творчески осваивая мелодические особенности песенно-музыкальной культуры других народов СССР, обогащают и развивают национальную культуру. Тем самым современная профессиональная песня обогащается, становится более многогранной. Об этом свидетельствуют лучшие образцы песен, созданных профессиональными композиторами и ставшими подлинно народными («Белая береза», «Яблоня», «Журавли»[42] и др.).

Новое освещение получили темы любви, дружбы и товарищества. В песнях отразились черты, свойственные советскому человеку, — защита общественных интересов, сочетания личных желаний с интересами коллектива. Воспевание родной природы — традиционный элемент алтайской народной поэзии — в новых песнях также получило дальнейшее развитие. Оно тесно связывается с величием Родины, ее богатством и могуществом.

Насколько изменилась сама жизнь алтайцев, настолько расширились тематика и напевы их песен. Современная протяжная песня несет в себе лучшие черты старинной песни с ее широкой напевностью, гибкостью и выразительностью мелодии, глубокой содержательностью и поэтичностью текста. Вместе с тем, эти песни отличаются от старинных образцов большей устойчивостью ритма, четкостью формы, меньшей импровизационностью текста. В то время, как старинная протяжно-импровизационная песня предполагает в основном сольное исполнение, современные протяжные песни выигрывают при коллективном их исполнении.

Под влиянием русского многоголосия, коллективных форм исполнения алтайский народ создает многоголосые песни. Значительную роль в развитии алтайского многоголосия играет работа

---

[41] «Белая береза». Слова С. Суразакова, музыка С. Подгурского: «Яблоня». Слова И. Кочеева, музыка Б. Шульгина; «Журавли». Слова Л. Кокышева, музыка А. Тозыякова.

областной концертной бригады, Домов культуры, самодеятельных коллективов, сельских клубов, областные и районные слеты и фестивали, в которых исполняются как народные, так и авторские песни. В репертуаре самодеятельных коллективов мы встречаем как сольное исполнение, так и хоровое. Однако в алтайском песенно-музыкальном творчестве многоголосие пока еще не получило широкое развитие.

Алтайские народные песни широко используются в произведениях писателей. В романах Л. Кокышева «Арина» и «Цветок степей», в повести Ч. Чунижекова «Мундузак» и других песня используется для характеристики образов и исторической обстановки, для передачи народной жизни и быта. Своеобразным видом алтайской народной песни 50-х и 60-х годов являются двуязычные шуточные песни с алтайскими и русскими словами. Двуязычные песни в основном встречаются в народной лирике. Они различны по своей форме. В некоторых песнях первая и третья строки поются на алтайском языке без перевода, а вторая и четвертая — на русском, например:

...Сенинг кара чамчангды
Полоскаю каждый день.
Сенинг кара көзингди
Вспоминаю каждый день...

...Твою черную рубашку
Полоскаю каждый день.
Твои черные глаза
Вспоминаю каждый день...[43]

Другие песни построены в иной форме. В них начало первой и третьей строки поются на русском языке, а вторая половина этих строк является переводами русских слов на алтайский язык. Вторая и четвертая строки поются только на алтайском языке. Причем, русские слова как в первой песне, так и во второй подчиняются нормам алтайского народного песенного стиха. Они выдерживают семисложный размер, перекрестную рифму, анафористическое начало в стихотворной строке.

Примером второй песни может служить такой текст:

...Черная речка, кара суу,
Кайдаар агып јадыңг не?
Черноглазая, кара көс,
Кайда сакып јадыңг не?

...Черная речка, кара суу,
Куда же ты течешь?
Черноглазая, кара көс,
Где ты ждешь меня?..[44]

Современные алтайцы хорошо знают как свой родной язык, так и русский. Знание двух языков алтайцами позволило им соз-

---

[42] Запись автора. Перевод подстрочный. Песня записана в с. Саратан Улаганского аймака от Табаевой Ф. И. в 1956 г.

[43] Запись автора. Перевод подстрочный. Песня записана в с. Саратан Улаганского аймака от Табаевой Ф. И. в 1956 г.

давать двуязычные песни. Такие песни создаются и исполняются молодыми людьми на оинах, молодежных вечерах. Они бытуют среди сельской молодежи и пользуются большой популярностью.

Таким образом, знание двух языков алтайцами и совместная жизнь их с русским населением создали реальные условия появления двуязычных алтайских народных песен.

Одной из отличительных особенностей современного песенного творчества алтайцев является наличие авторства песен. К числу их относится Вера Петровна Белешева. Она родилась в 1929 году в с. Саратан Улаганского аймака. Впервые «Песню пастухов» она сложила в 1956 году. С этого времени Белешева стала складывать песни и исполнять их. Она несколько раз была лауреатом областных и зональных смотров художественной самодеятельности. В 1967 году Белешева сочинила новые песни: «К 50-летию Советской власти» и «Песни о Марии Толтоковой», которые были тепло приняты слушателями.

Песня, посвященная Герою Социалистического Труда Толтоковой Марии Васильевне, показывает ее как отзывчивого, честного, трудолюбивого человека, воспевает ее трудовые подвиги:

«За мир» деген колхозто
Салымы ырысту малчы бар.
Герой адын адангап
Толтокованың магы бар...

В колхозе «За мир»
Есть самый счастливый пастух.
Имя Героя она носит —
Прославленная Толтокова...[45]

Кроме своих песен, Белешева знает и исполняет народные песни. Сотрудники научно-исследовательского института в 1956 году записали от нее много народных песен различного жанра. Некоторые из них были опубликованы в сборнике «Народные песни алтайцев» (1962).

В 1967—68 годах нами были записаны около 50 песен от Кундуевой Тадыл в с. Кулада Онгудайского аймака. Она была активным членом комсомола в 30-х годах, участвовала в организации колхоза в родном селе. Как и Белешева, она слагала песни и сама исполняла их. Тематика ее песен отличается от тематики других певцов. Кундуева Тадыл в основном пела свадебные песни и песни о комсомольцах.

«Петь я училась у народа. Подражая народным песням, сама стала слагать песни и исполнять их. Много песен я сложила о комсомоле, а также сочиняла свадебные песни. Большинство из

---

[44] Записана от Белешевой В. П. в 1967 г. в с. Саратан Улаганского аймака. Перевод подстрочный.

них забыто. Но помню до сих пор некоторые песни», — говорила Кундуева. По нашей просьбе она сообщила нам ряд песен, сложенные ею в 30-х годах. Вот образец свадебной песни Кундуевой:

...Агаш бӱри јайылза,
Айыл тудатан көӧркийлер.
Ак малы тойынза,
Той эдетен көӧркийлер...

...Когда листья деревьев
распустятся, —
Семью новую построят милые.
Когда скот летом станет сытым, —
Богатую свадьбу справят милые...[46]

Хотя песня по своей форме традиционна, но в нее внесены новые слова, новый смысл. Этого требовала новая жизнь алтайцев. Свадебные песни Кундуевой популярны в долинах Каракола, их поют на праздниках, на молодежных свадьбах, на клубных сценах.

От нее записана и комсомольская песня:

Јараш јалду јал-јеерен
Мантаган јери Каракол,
Јаш ла бойыс комсомол
Јыргаган јерис Каракол...
Кобы-јикте малысты
Кабырган улус комсомол.
Колхоз ижин кӧдӱрген
Колы кату комсомол...

Рыжий конь с красивой гривой
Резвился на лугах Каракола.
Мы, молодые комсомольцы,
Веселились в долинах Каракола...
Скот наш, стоящий в долинах,
Пасут комсомольцы молодые.
Работу колхозную выполняют
Комсомольцы наши сильные...[47]

В с. Кулада Онгудайского района жил и другой исполнитель народных песен — Этенов Сорпон. Он был известен как поэт, музыкант, певец, играл на всех национальных музыкальных инструментах. К традиционным народным песням он сочинял новые мелодии. Этенов Сорпон постоянно участвовал в художественной самодеятельности своего села и области. Он выступал в Москве, Новосибирске, Барнауле, Горно-Алтайске. За исполнение народных песен и сочинение музыки к ним он награжден медалью «За трудовую доблесть». Многие его песни популярны: «Карлагаш» («Ласточка»), «Каракол», «Песня матери» и другие.

Тематической особенностью песен Этенова является восхваление родных мест, где родился и жил сам певец:

...Мӧңкӱлеп аккан кара суу
Ичеримде јакшызын.
Мӧш бӱркеген Каракол

...Родник из вечных ледников —
Как приятно из него пить.
Кедрами покрытый Каракол,

---

[45] Песня записана от Кундуевой Т. в 1967 г. в с. Кулада Онгудайского аймака. Перевод подстрочный.

[46] Песня записана от Кундуевой Т. в 1967 г. в с. Кулада Онгудайского аймака. Перевод подстрочный.

Jўреримде јакшызын.
Тамырлап аккан кара суу
Ичеримде јакшызын.
Тал бўркеген Каракол
јўреримде јакшызын...

Как хорошо в нем жить!
Извиваясь течет родник,
Как приятно из него пить.
Тальником покрытый Каракол,
Как хорошо в нем жить!..[48]

Сорпон Этенов играть на национальных музыкальных инструментах учился у своего дяди Майты, а слагать песни — у народа. Еще восьмилетним мальчиком он усвоил технику игры на икили, а двенадцатилетним он уже исполнял народные песни. Этенов говорил: «Без песни просто невозможно жить. Песня придает мне радость, облегчает труд. Мне хочется слагать такие песни, которые восхваляли бы красоту родных мест». Эти стремления Этенова ярко выражены в его песнях.

Песни Сорпона отличаются стройной композицией, четким ритмом, музыкальностью, глубоким содержанием.

Отличительными особенностями современных алтайских народных песен являются многострофичность, маловариативность, наличие авторства (создателями их являются как отдельные исполнители, так и участники художественной самодеятельности), малораспространенность, связь с письменной литературой.

Если традиционная песня и песни первых лет Советской власти состоят из двух четверостиший, то алтайские народные песни 50-х и 60-х годов состоят из шести и десяти строф, объединенных общей рифмой («Каракол», «К 50-летию Советской власти» и др.). Новую жизнь нельзя было отразить в двухкатренной песне. Поэтому создатели народных песен обращаются к многострофичному тексту.

Кроме песен, у которых известны создатели, в народной среде бытуют традиционные песни и песни 20-х и 30-х годов без каких-либо изменений. К ним относятся любовные и свадебные песни алтайцев. Они любимы народом, исполняются на народных праздниках, молодежных свадьбах и играх, сохраняют протяжную мелодию, традиционную форму.

Сопоставление дореволюционных песенных публикаций и песенных записей советского времени показывает, что содержание и форма старой песни постепенно изменяются, а некоторые виды ее исчезают: песни о тяжелой женской доле и социальном неравенстве, социально-сатирические песни, направленные против баев, зайсанов, шаманов, песни бурханистов и т. д. Иная стала жизнь, иной стала и общественная роль народного песенного творчества. Другими стали условия распространения его.

---

[47] Песня записана от С. Этенова в 1967 г. в с. Кулада Онгудайского аймака. Перевод подстрочный.

Так, например, традиционная любовная песня «Кожоңыста не болзын...» («Мотивы нашей песни...») была популярна до революции, ее знали жители всех сел. Она выражала чувство молодых людей, их взаимоотношения, мысли. Но в советское время она получила другое содержание. В варианте, записанном в 1954 году от Чекурашевой Эрте, прославляется новый, обновленный Алтай и его люди. С изменением содержания песни изменилась и ее форма. Из традиционной восьмистишной песни она стала шестнадцатистишной. Третий вариант нами был записан в 1967 году от Кокпоевой Казак в с. Яконур Усть-Канского аймака. В этом варианте воспевается колхозная жизнь и свободный труд колхозников. Традиционным в песне остается образный параллелизм, протяжная мелодия, семисложный размер и т. д.

Другая традиционная широко распространенная колыбельная песня «Аң балазын телчиткен...» («Детеныша зверя вырастивший...») после революции получила совершенно другое содержание и осмысление. Ее вариант был записан в 1941 году от И. Сабашкина в с. Онгудае и опубликован в сборнике «Народные песни алтайцев» (1962 г.). В этом варианте первые две строки традиционны, а третья и четвертая строки каждой строфы современны и выражают любовь алтайцев к Советской Конституции, в которой «золотыми буквами написан советский закон».

Такая переделка традиционных песен алтайцев после Октября идет постоянно и повсеместно.

Надо отметить, что изменяется, обновляется прежде всего содержание традиционных песен. Мелодия изменяется меньше. Что касается формы старинных песен, то она сохраняется почти полностью, проявляя чрезвычайную устойчивость. Это можно объяснить лишь тем, что народные певцы не всегда поспевают отразить все события, которые происходят в жизни, не сразу находят для них новую форму. И потому, стремясь рассказать о новых изменениях, они обращаются к традиционной поэтике.

В центре современных песен алтайцев прежде всего стоит новый человек с его трудом, с его новыми целями, стремлениями. Современный человек отличается от людей 20-х и 30-х годов своими более высокими моральными качествами. Современный алтаец более широко стал проявлять чувство патриотизма и интернационализма, чувство братской дружбы, более глубоко стал понимать цели и задачи советского государства и вопросы международной жизни, расширился его кругозор. Эти новые черты характера алтайца находят свое отражение в лучших народных песнях послевоенного периода.

Стремление народных певцов к широким эпическим обобще-

ниям, созданию героического образа народа, яркий поэтический язык их песен оказывают свое влияние на развитие письменной литературы алтайского народа. Это глубокая связь фольклора и художественной литературы существует с первых лет Советской власти и продолжается до сих пор.

Подводя итоги идейно-тематическому анализу алтайских народных песен, необходимо отметить, что в алтайском народном творчестве как в дореволюционный период, так и в советскую эпоху сложилась богатая и своеобразная песенная традиция. Рассматривая тематику народных песен, мы приходим к выводу, что песенное творчество алтайцев теснейшим образом связано с жизнью, бытом, трудовой деятельностью алтайского народа.

Алтайские народные песни включают в себя все многообразие личных и социальных чувств и переживаний человека. В них отразилось положение трудящихся алтайцев в дореволюционном Алтае и счастливая, свободная жизнь бывших кочевников после Великой Октябрьской социалистической революции, старые семейно-бытовые отношения и новые брачные нормы, исторические события и народные игры, гражданская и Отечественная войны, колхозное строительство и борьба народа за новый быт и культуру и т. д. Одним словом, народные песни откликаются на все важнейшие события, которые происходят в жизни народа. Богатство содержания, мелодическая широта, эмоциональная прелесть, прекрасная художественная форма песенного творчества алтайцев глубоко воздействуют на духовное развитие народа. В народных песнях ярко выражены не только быт и труд скотоводов-алтайцев, мир родной природы, но и народные идеалы, гневное осуждение грабительских войн и порабощения человека человеком, вера в светлое будущее.

В советское время песенное творчество алтайцев привлекало и привлекает внимание многих национальных композиторов. Они создают песни, отражающие разнообразные стороны советской действительности. Актуальность тематики, оперативный отклик на все волнующие события современности присущи этим песням. Успех лучших песен, созданных композиторами в советский период, определяется тем, что в них нашли правдивое, художественно убедительное воплощение близкие сердцу советских людей образы нового человека, строителя нового общества.

Опираясь на приемы и средства выразительности, свойственные народным песням, композиторы в содружестве с поэтами создали ряд удачных песен, которые способствуют дальнейшему развитию песенно-музыкальной культуры алтайцев («Песни о чабанах», «Новый Алтай», «Яблоня», «Журавли» и др.).

ПОЭТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АЛТАЙСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН

Одной из актуальных проблем в советской фольклористике является изучение художественных особенностей народной поэзии. Анализ поэтики фольклора представляет интерес не только в плане изучения языка его создателей, но и в плане раскрытия закономерностей развития народного творчества; необходимо установить, какими художественными средствами пользуются сказители, певцы при создании поэтического образа фольклорных произведений.

При анализе художественных средств алтайских народных песен исследователь сталкивается с рядом больших трудностей, прежде всего из-за малого количества опубликованных образцов исторических, трудовых, социальных и других видов песен. Кроме того, народные песни алтайцев совершенно не изучены. Не рассматривались их изобразительные приемы, строфика, рифма, ритм, композиция и т. д. Поэтому анализ поэтики народных песен, их языковых особенностей является актуальной задачей.

Песенные произведения, собранные В. В. Радловым и В. И. Вербицким, были записаны сто лет тому назад. За это время целый ряд языковых элементов в сказаниях и песнях, записанных ими, устарел. Устарели культовые слова, мало употребительными стали некоторые грамматические формы. Современный алтайский язык стал богаче по словарному составу и совершеннее по грамматическому строю. Однако язык традиционных народных песен представляет богатую сокровищницу алтайской народной речи, речи образной, выразительной, богатой изобразительными средствами.

М. Горький писал: «В народном творчестве скрыты беспредельные богатства. Только тут можно изучить родной язык, а у нас он богат и славен». Поэтому нам необходимо выяснить, какие изменения произошли в художественной форме, языковых средствах традиционных песен в современную эпоху.

Художественные приемы современных алтайских народных песен во многом сходны со старинными песнями алтайцев. Важно показать, как под влиянием нового жизненного содержания в годы Советской власти значительно изменились некоторые приемы художественного изображения дореволюционных песен алтайского народа.

Ведущим художественным средством алтайских народных песен является образный параллелизм. Он возник в древности, когда жизнь людей и явления природы отождествлялись. На параллелизме построены все народные песни алтайцев. Он являет-

ся самым излюбленным приемом в народных произведениях. Без параллелизма нет народных песен. Прием образного параллелизма наличествует не только в традиционных, но и в современных народных песнях алтайцев. Мы находим его в песнях, рассказывающих о судьбе девушки до замужества, и в песнях о жизни замужней женщины, и в обрядовых песнях, а также в песнях советского периода.

Возьмем «Песню женщины, насильно выдаваемой замуж»[1]. Она состоит из двух строф. В каждой строфе чувства женщины, насильно выдаваемой замуж, образно раскрываются при помощи сопоставления. Жизнь, несущая женщине горе, сопоставляется в первой строфе с текущей среди скал рекой, сдавленной и стесненной. Во второй — ее подневольная жизнь сопоставляется с «ярко рыжим пугливым и голодным конем». В «Песне девушки, выдаваемой замуж»[2] — четыре строфы, причем, три из них также основаны на этом приеме художественного изображения.

Возьмем не менее популярную «Песню бедного ойрот-кижи». Она, как и большинство народных песен дореволюционного Алтая, наполнена мотивами жалоб, скорби и сетований на безотрадную жизнь народа в условиях тяжелого гнета. И эти мотивы находят свое выражение опять-таки в художественных сопоставлениях явлений природы и человеческой жизни:

...Эки де чакка јуртазаң,
Өскөн өлөңди тоолоп албазың.
Эскиде Алтай учун кан төккөнин
Эр-јажына тоолоп албазың.
Алтайдың бастыра сууларын бириктирзе,
Јаан талай болор эди.
Албатының төккөн јажын бириктирзе,
Јаан теңгис болор эди.

...Сколько в поле травинок, — пойди сосчитай.
Не сочтешь, хоть живи ты два века.
Сколько пролито крови за милый Алтай, —
Не дано сосчитать человеку!
Сколько рек на Алтае, озер и ручьев, —
Слить их вместе — получится море.
Океан получился б из слез бедняков, —
Много, много на Алтае горя!...[3]

Сам по себе прием художественного сопоставления явлений природы и мира человеческих чувств и отношений широко применяется в песенной лирике всех народов. Своеобразие художественного параллелизма в алтайской песне можно определить следующим образом:

1. Алтайская народная песня создает образное сопоставление,

---

[1] Сборник «Песни Ойротии» под редак. С. Кожевникова, Новосибирск. 1938, стр. 120. Перевод В. Непомнящих.

[2] Там же, стр. 121. Перевод В. Непомнящих.

[3] Газ. Кызыл Ойрот, 16 декабря 1936. Песня сложена А. Чоковым. Перевод В. Непомнящих.

широко используя явления родной природы. Здесь, наряду с образами солнца и звезд, привлекаются и хорошо известные алтайцам с детства образы бурливых рек, речушек, протекающих между скалами, гор и могучего алтайского кедра. Все эти своеобразные художественные пейзажные картины придают глубоко национальный колорит песням алтайского народа.

2. В русской народной песне мы, например, видим постоянное развертывание описания природы, символизирующей те или иные стороны человеческой жизни. Особенно это бросается в глаза тогда, когда песня построена на так называемом ступенчатом сужении образов. В этом случае создается цепь картин природы. Алтайская народная песня строится несколько иначе. Здесь почти не встречаются развернутые сравнения-символы, не встречается ступенчатое сужение образов, конкретизирующее то или иное явление. В алтайской песне картины природы предельно лаконичны. В большинстве случаев они занимают первые две строчки каждой строфы песни. Причем в одной и той же песне мы находим самые различные, часто меж собою не связанные, картины природы. Поэтому здесь нет развития единого пейзажа. Так, например, в песне «Бедного ойрот-кижи» в первой строфе для художественного сравнения привлекаются образы поля и травинок, а во второй — образы алтайских рек, озер и ручьев. Между этими образами нет никакой внутренней и внешней связи в песне. Они берутся сами по себе и в каждом случае поясняют определенную мысль народного певца, поясняют определенные факты народной жизни.

Изучая алтайские песни, мы с особой силой видим значение образного параллелизма, его активную художественную роль. Здесь часто перед нами цепь следующих друг за другом сравнений. В песне говорится не об одном каком-либо чувстве, эмоции, как это бывает в русской песне, а о самых разнообразных сторонах человеческой жизни. В этом большое своеобразие художественных особенностей алтайских народных песен. Ярким примером может служить следующий текст:

Казым, кажы учадын,	Гусь мой, куда ты летишь,
Канадыҥ тӧзин чыладып?	Утомляя крылья?
Кайраным, кажы барадыҥ,	Дорогой, куда же идешь,
Сӱӱген јӱрегим сыстадып?	Любящее сердце томя?
Куум, кажы учадыҥ,	Лебедь, куда ты летишь,
Куркуныҥ тӧзин талдырып?	Утомляя крылья?
Кӧӧркийим, кажы барадыҥ,	Милый, куда ты идешь,
Јаш јӱрегим оорыдып?	Заставляя болеть мое сердце?[4]

[4] В. И. Вербицкий. Алтайские инородцы. М., 1893, стр. 175. Перевод подстрочный.

Что бросается в глаза в этой песне? Прежде всего то, что несмотря на богатство привлекаемых явлений природы, они не составляют цельной развернутой картины, не даются по принципу ступенчатого сужения образа. То же самое мы видим и в других песнях алтайского народа.

3. Поражает любовь к лаконизму пейзажных зарисовок, вернее тех частей, которые содержат образы природы. Например:

Тайгадаң аккан тамыр суу,	С гор течет родниковая вода —
Ичеримде — јакшызын!	Выпьешь, как вкусна и прохладна!
Таш јамынган тайгалар,	Камнями покрытые горы —
Көрөримде — јаражын!	Посмотришь, как красивы и величавы!
Мөңкүдең түшкен мөңгүн суу,	С ледников течет серебряная вода —
Ичеримде — јакшызын!	Выпьешь, как вкусна и прохладна!
Мөш јамынган тайгалар,	Кедрами одетые горы —
Көрөримде — јаражын!	Посмотришь, как красивы и величавы![5]

Все эти особенности образного параллелизма в большей степени сохранились в поэтическом строе песенного творчества народов советского Алтая. Если учесть, что дореволюционный Алтай почти не знал письменной художественной литературы, станет ясно, почему художественные формы фольклора в советскую эпоху продолжали играть такую большую роль, оказались такими устойчивыми.

Коренные экономические, политические и культурные изменения породили большое количество новых песен. Эти песни опоэтизировали новый свободный труд, новый семейный, общественный, производственный быт алтайцев, новые отношения людей. Изменился взгляд алтайца на природу. Он стал подчинять, изменять ее. И все это оказывало сильное влияние на традиционные художественные формы, которые еще широко продолжали применяться в алтайских народных песнях советского периода.

Новые формы, новые оттенки сопоставлений мы находим во всех циклах песен алтайцев. Возьмем, например, «Колхозную Куладинскую»[6]. Богатеющий колхоз, дружная работа колхозников показаны в образных сопоставлениях с «кудрявой, веселой березой», с ее зелеными листьями, с «красивой многорукой чиби» (ель), с ее зеленой сочной хвоей. Картины природы стали важнейшим элементом песни, выразителем нового мироощущения колхозника-алтайца.

Таким образом, приемы традиционного параллелизма в со-

---

[5] Сб. Народные песни алтайцев. Горно-Алтайск, 1962, стр. 54. Перевод подстрочный. Записана от Абакаевой в Онгудайском аймаке, с. Ело.

[6] Песни Ойротии. Новосибирск, 1938, стр. 55. Перевод В. Непомнящих.

ветскую эпоху стали отражать совершенно новые настроения и взгляды советских людей на окружающую действительность. В старых песнях, например, образ могучего, величественного и благородного кедра давался в контрасте с серой, приниженной жизнью бедняка, а в новой песне он символизирует осуществленную мечту народа: счастливую жизнь человека, могущество и величие нашей жизни, расцвет человеческой личности, т. е. этот образ, как мы видим, наполнился совершенно новым содержанием.

В песне «О грамотности» поэтические образы солнца, кедра помогают понять стремление алтайского народа к культуре, грамотности.

Впервые после Октября алтаец по-настоящему увидел красоту своей природы, своей земли и по-иному относится к ней. Для советского человека природа не является каким-то божеством и владыкой; она стала объектом труда, фантазии и творчества. Она помогает жить и трудиться. Поэтому и более активным стал в песнях образ природы, органически связанной с характером песенного героя, с его чувствами и мыслями. Отсюда стремление не только к лаконичным двухстрочным формам пейзажных зарисовок, имевших большое значение в дореволюционной поэзии, но и стремление создать картины родной природы, расцветающей, обновляющейся. Такова песня «Алтайды мактаганы» («Восхваление Алтая»):

Ак сӱмердиҥ бажында
Алтын чечек өзӱп јат.
Алтын туулу Алтайда
Ай јаркыны чалып јат.
Көк сӱмердиҥ бажында
Кӱмӱш чечек өзӱп јат.
Кӱмӱш туулу Алтайда
Кӱн јаркыны чалып јат.

На вершине белой горы
Распустился цветок золотой.
В золотых алтайских горах
Разливается лунный свет.
На вершине горы голубой
Серебряный цветок распустился.
В серебряных алтайских горах
Разливается солнечный свет[7].

Поэтический параллелизм широко и разнообразно применяется народом Алтая, как и другими народами нашей Родины, в песнях, посвященных великому основателю Коммунистической партии и Советского государства — Ленину. Ленин — «могучий ледник», «весеннее солнце». Все лучшее, что есть в жизни алтайца, в неповторимой прекрасной природе Алтая, отбирается для поэтизации образа Ленина.

---

[7] Сб. Народные песни алтайцев. Горно-Алтайск, 1962, стр. 52. Записана от Чекурашевой Эрте в 1945 году в Онгудайском аймаке. Перевод подстрочный.

Великое народное горе и печаль выражены в песнях о смерти Ленина в поэтических образах природы, но в иной тональности. Эпическими штрихами рисует песня тускнеющее солнце, пасмурный день, всенародное горе.

Алтайские народные песни советского периода широко используют образный параллелизм и при изображении борьбы алтайцев с врагами народа — баями, зайсанами, камами. В цикле этих песен мы также видим развитие и наполнение новым содержанием ряда традиционных сопоставлений. В новых песнях, например, сопоставляется действие классового врага с «злобной пургой холодной», «с волком голодным», с «буранами», «морозами», «ядовитой змеей».

Играя большую тематическую и композиционную роль в советской алтайской песне, образный параллелизм очень часто приобретает особенно эмоциональный характер благодаря тому, что он построен в восклицательной или вопросительной форме, например, в песне «Октябрьдың кожогы» («Октябрьская песня»):

Отко салган одыныс
Чокту кўйзин, нөкөрлөр!
Октябрьдың байрамы
Эзендик болзын, нөкөрлөр!
Јандап салган одыныс
Јалбырап кўйзин, нөкөрлөр!
Советтиң берген байрамы
Јажына болзын, нөкөрлөр!

Дрова, положенные в огонь,
Пусть с искрой горят, товарищи!
Наш праздник, заженный Октябрем,
Пусть ярче светит, товарищи!
Дрова, положенные в огонь,
Пусть ярче горят, товарищи!
Наш праздник, что властью Советской дан,
Пусть будет вечным, товарищи![8]

В народных песнях алтайцев наиболее часто встречается положительное сопоставление. В песнях оно представляет собою прямое сопоставление образов из мира природы с теми или другими чувствами и переживаниями действующих лиц.

Различные виды образного параллелизма в песнях усиливают поэтическую выразительность чувств героев, глубоко раскрывают идейную направленность всей песни.

Наряду с параллелизмом для характеристики художественного образа, картин жизни, характеров, большое значение имеют и другие художественные средства языка, которыми пользуется певец при создании народных песен.

Народный язык обладает богатыми, на протяжении многих

---

[8] Сб. Народные песни алтайцев. Горно-Алтайск, 1962, стр. 14. Песня создана коллективом художественной самодеятельности Эликманарского ДК в 1949 г.

веков сложившимися изобразительными средствами, опираясь на которые певец создает глубоко поэтичные песни. Через них передаются чувства, переживания, отношения поэтов к изображаемому предмету. Кроме того, поэтические элементы языка способствуют точности, краткости и художественной выразительности в передаче мысли. Вековая жизнь народной песни в устной форме привела к устойчивости ее художественных средств. Сменявшие друг друга и учившиеся один у другого народные мастера словесного искусства создали целую систему поэтических средств, удобных для воспроизведения текста по памяти и для импровизации. Такими поэтическими элементами языка являются различные виды эпитетов, сравнений, многочисленные другие тропы. Эти художественные приемы языка существуют почти во всех народных песнях. Алтайские народные певцы при создании песни применяют сравнение, эпитет, метафору, различные виды повтора. Другие языковые приемы в этих песнях мы находим в ограниченном количестве.

Из выразительных средств языка наиболее употребительны некоторые виды эпитетов, которые легко переходят из одного произведения в другое.

В устной поэзии алтайского народа имеются простые, постоянные, усиливающие, метафорические эпитеты. Народные певцы ими пользуются для обозначения качества описываемого предмета или явления природы, для раскрытия внутреннего мира того или иного героя. Как дореволюционные, так и современные создатели народных песен при изображении портрета героя обращаются к традиционному эпитету. Он вызывает в нашем сознании целостное представление о сущности изображаемого предмета. Например, простые эпитеты, такие, как *кан сороочы бай* «кровожадный бай», *ачап кам* «жадный шаман» указывают на отличительную черту баев, камов, на их эксплуататорскую сущность. Эти эпитеты выражают ненависть и презрение народа к своим угнетателям.

Другую роль выполняют в алтайских песнях простые эпитеты: *сүүген албатым* «любимый народ», *«эне-Алтай»* «родной Алтай», *кару көөркий* «милый друг» и другие. Они подчеркивают радость, привязанность алтайца к родной природе, к родному Алтаю.

Кроме простых эпитетов, в алтайских народных песнях мы встречаем метафорические эпитеты — *алтын туу* «золотая гора», *алтын күүк* «золотая кукушка», *алтын закон* «золотой закон» и т. д. Через метафорические эпитеты певец образно выражает свои мысли и чувства по поводу тех или иных явлений действительности. Встречаются постоянные эпитеты: *ак кар* «белый

снег», *кара чачту* «с черными волосами», *кара көс* «черные глаза», определяющие постоянные качества предмета или человека.

В народных песнях алтайцев имеются так называемые усиливающие эпитеты, состоящие из двух повторяющихся слов, например, *кып-кызыл* «красно-красный», *кап-кара* «черно-черный», *сап-сары* «желто-желтый» и т. д. Аналогичные эпитеты употребляются для характеристики внешнего облика героя и отличительных особенностей человека или указывают на соответствующие цвета предметов. Эти два слова обозначают одно понятие, уточняя друг друга, они более точно обрисовывают явления, вещи, образы.

Кроме различных видов эпитетов, в песнях алтайцев мы встречаем олицетворение. Чаще всего оно употребляется в старинных народных песнях. В глубокой древности одухотворение природы, наделение ее свойствами одушевленных существ было присуще неразвитому еще человеческому сознанию и нашло отражение в народном творчестве. Затем олицетворение стало одним из поэтических средств, помогающих, подобно другим художественным приемам, выделять в изображаемом существенные черты. Так, в традиционных песнях алтайского народа мы обнаруживаем перенесение свойств человека на явления природы: «солнце ходит», «спят цветы», «спят над рекою кусты» и другие.

В связи с изменением народной жизни постепенно изменяются некоторые виды выразительных средств языка: одни забываются, другие заменяются, третьи приобретают новое значение.

В песнях алтайского народа, кроме образного параллелизма, сравнений, эпитетов, олицетворений, мы находим и художественное преувеличение. Функция гиперболы состоит в том, чтобы заострить внимание слушателей на наиболее важных признаках изображаемых явлений или образов. В одной песне говорится:

...Алтайдың бастыра сууларын
бириктирзе,
Jаан талай болор эди.
Албатының төккön jажын бириктирзе,
Jаан теңиз болор эди...

...Сколько рек на Алтае, озер
и ручев,—
Слить их вместе — получится море.
Океан получился б из слез
бедняков, —
Много, много на Алтае горя...[9]

Чтобы подчеркнуть безотрадность, тяжесть жизни бедняков, певец использует преувеличение «из слез — океан».

Функция специальных выразительных средств поэтического языка заключается, таким образом, в том, чтобы выделить в по-

[9] Газ. Кызыл Ойрот, 16 декабря 1936 г. Песня сложена А. Чоковым. Перевод В. Непомнящих.

казываемых явлениях и характерах те черты и свойства, которые представляются певцу существенными.

В алтайских народных песнях редко встречаются сложные поэтические тропы. Язык песен прост, ярок, общепонятен. Картины, изображаемые в песне, также просты и понятны. Слова песен певец черпает из народной речи, из народного творчества, которые являются источниками художественных средств. Образная народная речь, переносимая в песню, придает ей особую красочность, блеск и остроумие.

Изучая язык народных песен алтайцев, следует остановиться и на некоторых лексических особенностях, которые также используются народными певцами в качестве средств образного воспроизведения действительности. В ряде народных песен алтайцев мы находим устаревшие, неупотребляемые в живом разговорном языке, слова. Устаревшие слова употребляются, главным образом, в старинных традиционных песнях, рисующих далекое прошлое. В песнях советской эпохи сфера их применения не широка. Например, встречаем в песнях алтайцев такие слова, как *кам, јайзач, кул, јалчы* и др. Употребление их очень ограничено, почти не замечается. Широкое употребление получили новые слова, пришедшие в алтайский язык вместе с новыми понятиями. Теперь алтаец в своей песне часто употребляет такие слова, как *колхоз, совхоз, коммунизм, социализм, радио, электричество* и другие. Они появились в песнях алтайцев вместе с торжеством советского строя.

При создании художественных образов певцы пользуются и поэтическими повторами. Поэтические повторы выделяют данное слово из среды других слов и тем самым подчеркивают значимость его в песне, усиливают эмоциональное воздействие на слушателя. Встречаются различные виды поэтического повтора. Повторение бывает как отдельных слов, так и целых словосочетаний. Иногда повторяются отдельные строки. Приведем пример на повторение словосочетаний:

...Јаш өлөнги чыккажын,
Көрөргө **јараш Алтайым**.
Јашкан кары јаагажын,
Базарга **јараш Алтайым**...

...Когда молодые травы зеленеют,
Ты прекрасен, мой Алтай.
Когда выпадает белый снег,
Как хорошо ходить по тебе, мой Алтай...[10]

Повторение словосочетания *јараш Алтайым* певец подчеркивает любовное отношение человека к родному краю, родной природе. Именно на это чувство человека обращает внимание певец.

[10] Сб. Народные песни алтайцев. Горно-Алтайск, 1962, стр. 53. Перевод подстрочный. Песня записана от кайчи В. Ябыкова в 1936 г.

Повтор является средством выразительности речи. Он указывает на ту или иную особенность передаваемого явления. Благодаря поэтическому повтору слова становятся более заметными, обращают на себя внимание слушателей. В этом одна из основных функций словесных повторов. Например, повтор словосочетаний в конце стихотворных строк способствует запоминанию песни, придает ей большое мелодическое разнообразие и музыкальное звучание. Такими повторами особенно богаты лирические народные песни алтайцев:

Јерден *чыккан чечектең*
Јеерен **чечек танылу.**
Јергележип келгенде,
Јеендӱ-таайлу таңылу.
Таштан *чыккан чечектең*
Тарамыл **чечек танылу.**
Табарыжып келгенде,
Таайлу-јеендӱ танылу.

Из выросших на земле цветов
Темнобархатный цветок всех лучше.
Когда рядом идут,
Дядя с племянником хороши.
Из выросших на камне цветов
Яркий цветок всех лучше.
Когда встретятся друг с другом,
Дядя с племянником хороши[11].

В приведенной песне мы обнаруживаем почти все виды поэтического повтора — повторение отдельных слов *келгенде — келгенде,* словосочетаний *чыккан чечектең — чыккан чечектең* и повторение целых стихотворных строк *таайлу-јеендӱ танылу.* Благодаря повторам усиливается музыкальное звучание песни, создается непрерывное нарастание чувства героя. Можно сказать, что во всех песнях повторяется несколько раз каждая стихотворная строка. Это является характерной особенностью песен алтайцев:

Кӧк ӧлӧнди кӧргӧмдӧ, — (2 раза)
Кӧмӧ чабар кӱӱним бар. — (2 раза)
Кӧӧркийлерди кӧргӧмдӧ, — (2 раза)
Кӧкӱп ойноор кӱӱним бар. — (2 раза)

Как увижу зеленую траву,
Появляется желание скосить.
Как увижу молодых людей,
Появляется желание веселиться[12].

Практически все виды повтора удлиняют песенный текст, придают песне мелодичность, различные интонационные звучания; повторы неразрывно связаны со смысловым строем речи. Певцу важен общий характер подчеркнутости, выразительности слов, входящих в словесные повторы, т. е. интонационная организация песни.

Именно в связи с интонационно-смысловой организацией речи

---

[11] Сб. Алтай албатының кожоңдоры (Алтайские народные песни). Горно-Алтайск, 1959, стр. 29. Песня записана в Онгудайском аймаке в 1957 г. Е. Чапыевым. Перевод подстрочный.

[12] Сб. Народные песни алтайцев. Горно-Алтайск, 1962, стр. 89. Записана от Тойдоновой в с. Улагане в 1956 г. Перевод подстрочный.

словесные повторы и получают определенную содержательность, художественный смысл, выразительность, нарастание передаваемого чувства.

Таким образом, являясь средством, облегчающим воспроизведение песни по памяти, повторы имеют не только композиционное, но и выразительно-изобразительное значение. Каждый повтор задерживает внимание слушателя на смысле или на образном выражении повторяемых слов, фраз. Повторы, которые передают нарастание чувства героя, развивают образ постепенно, останавливая внимание на его отдельных признаках.

Следует отличать поэтический повтор от случайного звукового совпадения типа *айым-айым ай-айым, андый болзын тегейим...* Поэтические повторы тесно связаны с интонацией стиха песни, с ее ритмом. Они подчеркивают выразительность поэтической речи. Поэтому они несут в себе определенную художественную нагрузку.

Поэтические повторы в песнях теснейшим образом связаны с рифмой. Например, анафора, редиф и эпифора придают песенной рифме четкое музыкальное звучание.

Но рифма в свою очередь органически связана с ритмом песен. Она служит для усиления ритмической организации стихов в песне. Роль ее в песне огромна. Рифма придает песне музыкальность, напевность, легкость и плавность исполнения. Алтайские народные песни имеют богатую рифму. Для них обязательны начальная, внутренняя, конечная рифмы. Польский ученый Т. Ковальский отмечал, что в алтайских народных песнях «надо заботиться не о подыскивании рифмы, а о том, как бы ее избежать, — что, конечно, является лишним доводом оригинальности явления рифмы у алтайцев»[13].

Рассмотрим конечную рифму в алтайских народных песнях. Она многообразна по видам. Конечная рифма бывает перекрестной, кольцевой, смежной.

Конечная рифма в песенном творчестве алтайцев — явление позднее, чем начальная рифма. Об этом свидетельствуют песенные записи Радлова и Вербицкого. В записанных и опубликованных ими песнях обязательно наличествует начальная, но не всегда имеется конечная рифма. Но народные песни алтайцев, созданные после Октября, в большинстве случаев имеют конечную рифму. Это явление можно объяснить влиянием современной

---

[13] Т. Ковальский. О форме поэзии турецких народов. Краков, 1921 (на польском языке). См. русское изложение. Ан. Линин. «К вопросу формального изучения поэзии турецких народов». «Известия Вост. фак. Азерб. гос. ун-та, т. I, Баку, 1926, стр. 150.

письменной поэзии. Взаимосвязь и взаимовлияние устной и письменной поэзии особенно ярко проявляется в наши дни. Алтайские поэты не только заимствуют в своем творчестве традиционную форму фольклора, но и сами способствуют изменению, дальнейшему развитию, обновлению старой формы и содержания народной поэзии.

Хотя мы отмечали, что конечная рифма в алтайском песенном творчестве появилась позднее начальной, тем не менее она наличествует в народных песенных текстах, изданных В. В. Радловым и В. И. Вербицким. Но почему-то эти ученые отрицали наличие конечной рифмы в алтайских народных песнях. В. В. Радлов отмечал, что в устной поэзии тюркоязычных народов Севера и Алтая мы имеем в стихах начальную аллитерацию, заменяющую конечную рифму[14]. А В. И. Вербицкий писал, что «о хвостах» (конечная рифма) алтаец не тужит, у него были бы согласны «головы» (анафора[15]). Это неправильное утверждение: для алтайца важны песни как с начальными, так и конечными рифмами. Без них песня считается неполноценной. Поэтому народные песни он создал как с начальными, так и с конечными рифмами.

Характерной особенностью рифмующихся строк в строфе алтайской народной песни является перекрестная рифма *(абаб)*. Это наиболее часто встречающийся вид в народной песенной строфике.

При перекрестной рифме всегда созвучны последние слоги или слова второй и четвертой строки в каждой строфе и редко первой и третьей. В качестве рифмующихся слов при этом всегда выступает глагол и реже — существительное. Общеизвестно, что глагольная рифма является наиболее древним и вместе с тем наиболее примитивным видом рифмы. В современном песенном творчестве наблюдается разнородная рифма, свидетельствующая о значительном развитии алтайской народной поэзии.

Обязательная рифмовка второй и четвертой строк объясняется образным параллелизмом. Алтайским песням свойственно двухстрочное сравнение, причем первые две строки изображают явление природы, с которым сравнивается жизнь человека в третьей и четвертой строках. Чтобы показать неразрывную связь этих явлений, их близость, певец рифмует вторую строку, изображающую явление из области природы, с четвертой строкой, изображающей жизнь человека:

---

[14] В. В. Радлов. О формах связанной речи у алтайских татар (на немец. языке). В кн.: Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenscheft, bd. IV, Berlin, 1866, S. 86.

[15] В. И. Вербицкий. Алтайские инородцы. М., 1893, стр. 167.

Талду, талду кечўни
Талдап туруп кечелик.
Табарышкан тужунда
Таң атканча ойнойлык.
Көлдў, көлдў кечўни
Көрўп јўрўп кечелик.
Көрўшкеннинг өчинде
Күн чыкканча ойнойлык.

Брод, заросший тальником,
Все равно мы перейдем.
Коль уж встретилися мы,
До рассвета пропоем.
Пусть брод, как ширь озер,
Все равно мы брод найдем.
Коль уж встретилися мы,
До утра пропоем[16].

Однако нельзя говорить о многообразии рифмы, если не указать на наличие редифа в народных песнях алтайцев. Роль редифа заключается в озвончении стиха, в заострении внимания слушателя на том, что певец особенно хочет выделить и подчеркнуть. Поэтому алтайские народные певцы пользуются редифом, который, систематически повторяясь в каждой строфе, задерживает внимание слушателя. Редиф по своим функциям близок к поэтическому повтору. Но в отличие от повтора он в большинстве случаев употребляется вслед за рифмой, т. е. в конце строки, и реже перед ней и в середине строки.

Приведем пример редифа, встречающегося в конце рифмующихся стихотворных строк:

...Ак-борого **не керек?**
Ай билдирлў чўм **керек.**
Албаты-јонго **не керек?**
Амыр јўрўм ол **керек...**

...Что нужно серко моему? —
Луноподобное седло нужно.
Что нужно народу моему?
Мирная жизнь нужна...[17]

Здесь рифмуются слова *борого-јонго, чўм-јўрўм, а* слово *керек* является редифом, который усиливает рифму и увеличивает музыкальную силу стиха. Но в современном народном творчестве редиф встречается редко. Его заменяют слоговые созвучия в конце стихотворных строк. Однако мы не отождествляем рифму с редифом. По выполняемым функциям они различны. Роль редифа ограничена. Он способствует полнозвучности рифмы.

Кроме конечной рифмы, алтайские народные песни имеют и внутреннюю. Внутреняя рифма является приемом строфической композиции и чаще всего делит стихотворную строку на два полустишия, играя в ней существенную организующую роль и определяя своим присутствием границу и связь между полустишиями:

---

[16] Сб. Народные песни алтайцев. Горно-Алтайск, 1962, стр. 51. Перевод подстрочный. Песня записана в Онгудайском аймаке в 1954 г.

[17] Сб. Народные песни алтайцев. Горно-Алтайск, 1962, стр. 16. Перевод подстрочный. Песня записана П. В. Кучияком в 1935 г.

Јабага-кулун чыдаткан
Јабаганның јаланғы.
Јаш бойысты чыдаткан.
Јаандардың шылтузы.
Эчки-койды көптөткөн
Экинурдың јаланғы.
Элге јайым јаң берген
Эне-партияның шылтузы.

Жеребенка вырастили
Ябоганские поля.
Нас воспитали и вырастили
Родительские ласки.
Коз и овец умножили
Яконурские поля.
Народу давшей свободную жизнь,
Родной партии спасибо[18].

Здесь мы обнаруживаем очень богатую рифмовку. Рифмуются не только концы стихотворных строк: *чыдаткан — көптөткөн — берген, јаланғы — шылтузы,* но и внутренние слоги: *Јабаганның— јаандардың — Экинурдың — партияның.* Причем внутренняя рифма всегда перекрестная. Такая рифма опять-таки объясняется связью ее с образным параллелизмом. Из приведенного примера видно, что внутренняя рифма бывает как внутри одной строфы, так и между отдельными строфами и является слоговым повтором внутри стихотворных строк. Все это придает песне большую звучность, музыкальность, легкость исполнения.

Хотя внутренняя рифма встречается и в дореволюционных народных песнях, она не была характерной особенностью народной поэзии алтайцев. В народных песнях алтайцев советского периода она употребляется редко.

Кроме конечной и внутренней рифмы, песни алтайского народа имеют начальную рифму, которая, выполняет определенную роль в организации песенной строфы и ритма. Для традиционных народных песен алтайцев обязательна анафора, выполняющая роль начальной рифмы. Если первая строка начинается с определенного слова, слога или звука, то все строки данной строфы в большинстве случаев начинаются с этого же слога или звука:

...Калык-јонды мекелеп,
Калан алган јайзаң сен.
Кайыш камчы соголо,
Кан јалаган јайзаң сен...[19]

В приведенной песне все стихотворные строки начинаются со слога «ка».

Начальная рифма в народных песнях и эпических поэмах алтайцев встречается на всем протяжении произведения и играет существенную роль в организации его стихов. Она является наи-

---

[18] Запись автора. Перевод подстрочный. Песня записана от Кокпоевой Казак в 1967 г. в с. Яконуре Усть-Канского аймака.

[19] Сб. Народные песни алтайцев. Горно-Алтайск, 1962, стр. 50. Песня записана от Быйкыева в 1935 г.

более древней, архаической формой песенного стиха, которая связывает корни слов, несущие основную смысловую нагрузку, и служит ритмико-композиционным средством в песенном стихе. И. В. Стеблева в работе «Поэзия тюрков. VI—VIII вв.» замечает, что у большинства тюркоязычных народов Сибири «анафористическая аллитерация является не только средством украшения стиха, но несет основную ритмико-композиционную нагрузку, т. е. будучи начальной рифмой, она призвана членить строки стиха и объединять их в строфы. Употребление ее обязательно»[20].

Но в современных песнях алтайцев не всегда последовательно употребляется начальная рифма. Имеется стремление разнообразить, расширить ее.

...**Са**наанг сенинг ол бийик,
Бистинг ырызыс — Ленин.
Сагыжын сенинг ол терең,
Јон ундыбас, Ленин...

...Мысли твои глубокие,
Наше счастье — Ленин.
Думы твои высокие,
Незабываемый Ленин...[21]

В этой песне стихотворная строка, начинающаяся со слога *са*, разнообразится различными слогами в других строках. В таких случаях конечная рифма выполняет главную роль в песне.

В новых условиях начальная рифма развивается, расширяется певцами, она изменяется соответственно с изменением содержания песни. Народные певцы ищут новые формы художественного изображения действительности, стремятся найти новые приемы, средства поэзии для образной характеристики нового героя.

Начальная рифма характерна как для старых, так и для новых народных песен алтайцев. Она наличествует во всех видах песен. Начальная рифма придает песням музыкальность, мелодичность. Она, как и образный параллелизм, является специфической особенностью песен алтайского народа. Таким образом, алтайские народные песни имеют начальную, внутреннюю и конечную рифмы.

В алтайских народных песнях встречаются различные виды начальной рифмы: звуковая, слоговая и словесная. Но наиболее распространенным видом ее является слоговая рифма. Об этом свидетельствуют песенные тексты, опубликованные В. В. Радловым, В. И. Вербицким. В их публикациях свыше 80% песенных текстов имеют слоговую начальную рифму, а остальные — звуковую и словесную рифмы.

---

[20] И. В. Стеблева. Поэзия тюрков. VI-VIII вв. М., 1965, стр. 29—30.

[21] Сб. Народные песни алтайцев. Горно-Алтайск, 1962, стр. 10. Перевод подстрочный. Песня создана коллективом худ. самодеятельности при Горно-Алтайском комитете радиовещания в 1939 г.

Приведем пример слоговой рифмы из народных песен советского периода:

...Бийдиҥ суузын јакалай
Бийик корум таш бӱтти.
Бийдиҥ јаҥы чачылды,
Биске кару јаҥ келди...

...Вдоль по Бии-реке
Россыпей много высоких.
Власть господская пала,
Власть заботливая пришла...[22]

Реже встречается словесная рифма. Чаще всего она бывает между второй и четвертэй строками, которые построены на образном параллелизме:

...Карагай агаш бӱрлери
Качан да болзо оҥбозын.
Кайран бистиҥ Совет јаҥ
Качан да бисте ол болзын...

Пусть всегда зелеными будут
Иглы веток деревьев сосновых.
Пусть Советская власть родная
Утвердится у нас навеки...[23]

Однако следует сказать, что рифма не есть простое повторение отдельных звуков, а созвучие слоговое. Созвучность слогов, входящих в охваченное рифмой окончание и начало стихов, составляет отличительную особенность алтайской песенной рифмы. Она объединяет стихотворные строки в рамках строфы, скрепляет части строфы, влияет на характер интонации стихотворной речи; рифма вместе с ритмом и строфой усиливает выразительность речи исполнителя песни, образности и поэтичности его языка. Со стороны грамматики внутренняя и конечная рифмы обычно бывают аффиксальными, а начальная — корневой.

Итак, рифма в алтайском песенном творчестве является слоговым повтором, имеющим тесную связь с композицией стиха, усиливающим его музыкальность и раскрывающим содержание песни.

Все эти виды и способы рифмы придают алтайским народным песням плавность и напевность исполнения, делают мелодию песни запоминающейся, усиливают ритмическую организацию песенного стиха.

Рифма имеет тесную связь и со строфикой песен. На рифме основано расположение песенных строк. Рифма ограничивает строфу несколькими песенными строками или расширяет ее. Так, в песнях мы часто встречаем строфу, состоящую из четырех или восьми песенных строк, соединенных перекрестной рифмой.

---

[22] Сб. Народные песни алтайцев. Горно-Алтайск, 1962, стр. 15. Песня записана от Патаковой Марии в 1955 г. в с. Урлу-Аспаке Майминского аймака. Перевод подстрочный.

[23] Там же, стр. 20. Перевод подстрочный. Песня записана в 1935 г. в Онгудайском аймаке от Токороковой Галины.

Основной особенностью строфического построения песни алтайцев является восьмистишие, состоящее из двух четверостишных строф. Причем вторая строфа органически связана с первой, повторяя ряд ее ритмико-синтаксических особенностей. Это возникло давно, когда один пел первую строфу, а другой певец — вторую, сравнивая эти строфы между собой.

В наше время стали появляться песни из нескольких строф. Каждая строфа создает какую-то самостоятельную картину и представляет как бы законченное целое. Но все строфы объединены одной центральной мыслью. Они представляют как бы цикл песен об одном и том же: о партии, Советской власти, Конституции и т. д. При этом каждая строфа прибавляет песне какой-то оттенок. Многострофичные песни возникают в условиях, когда необходимо изобразить целую цепь больших жизненных событий, все стороны нашей жизни. В результате вместо двухстрофичных песен появляются песни, состоящие из нескольких строф, где проводится одна мысль, одно чувство. Однако многострофичные песни пока не стали доминирующими.

В алтайских народных песнях наблюдается и такое явление, когда из двух традиционных строф образуется одна строфа, состоящая из четырех стихотворных строк. Переход от двух похожих четверостиший к одному четверостишию следует объяснить стремлением певца расширить содержание песни. Внимание при этом больше обращается на содержание, которое выражается первым четверостишием, второе четверостишие, поскольку оно не выражает нового содержания, отпадает. Остается первая строфа, которая по своему ритму, функциям напоминает частушку. Однако частушки отличаются от них своим происхождением и значением:

Ойнобосто не келген,
От аларга келген бе?
Jыргабаста не келген,
Jылынарга келген бе?[24]

Эта песня часто исполняется на свадьбах, народных гуляниях. Когда-то она имела вторую строфу. Об этом свидетельствует наличие других более полных вариантов, в которых встречаются отдельные строки этой песни.

Таким образом, тексты народных песен алтайцев в основном состоит из двух четверостиший, объединенных между собой единым содержанием.

---

[24] Песня записана в 1950 г. в Усть-Канском аймаке.

Для алтайского песенного стиха характерна силлабическая система стихосложения, основанная на равном количестве слогов в строках. Особенностью алтайского силлабического стиха является семисложник, т. е. все стихотворные строки обычно имеют семь слогов; причем четвертый и седьмой слоги бывают ударными, на которые при исполнении одновременно падают грамматическое и музыкальное ударения. Такое расположение ударений в алтайских песнях создает известные устойчивые ритмические типы строк:

...Jажыл көкти jайылткан
Jайгы күннинг шылтузы.
Jаш малысты чыдаткан
Jараш Алтай ийдези...

...Зеленую траву поднял
Прекрасный летний день.
Хороший молодняк растет
На солнечном Алтае...[25]

Схема этой песни:[26]

1 2 3 4 5 6 7

— ◠ı — ◠ı — — ◠ı
— ◠ı — ◠ı — — ◠ı
— — — ◠ı — — ◠ı
— ◠ı — ◠ı — — ◠ı

Таким образом, семисложная строка, чаще всего встречающаяся в четырехстишной строфе, является характерной для народных песен алтайцев с ритмической точки зрения.

Вследствие того, что песенные стихи имеют равные количества слогов и одинаковое их расположение, то после определенного и тождественного количества слогов появляется пауза, или цезура. В алтайских коротких семисложных стихах обычно бывает одна цезура после четвертого слога. Она разделяет стих на ритмические части. Разрыв этих частей всегда отмечается ударным слогом.

Первая часть состоит из четырех слогов, а вторая — из трех:

1 2 3 4 5 6 7

...Элик бычкак ödүгим ...Кисы наши из лапы косули,
Элей берзе, эд(ип) албай... Если износятся,
I часть II часть сделаем...

Такое расположение частей обусловлено характером исполне-

---

[25] Сб. Народные песни алтайцев. Горно-Алтайск, 1962, стр. 41. Перевод подстрочный. Песня записана от Танашева С. в Кош-Агачском аймаке в 1954 г.
[26] — долгий безударный слог; ◠ı — краткий ударный слог.

ния алтайских народных песен. Вторая часть исполняется в более медленном темпе, чем первая часть, и заключает в себе меньше песенных слов (5, 6, 7), чем более быстрый темп (1, 2, 3, 4).

Алтайский песенный стих обычно начинается с долгого слога, а за ним следует краткий слог. Краткие слоги в большинстве случаев бывают ударными (4, 7). Приведем пример:

...Кара чачым тарайын,
Кара тарак садып бер.
Карыкканда көрөйин,
Карточкаңды сыйлап бер...

...Черные волосы свои буду расчесывать,
Черный гребешок ты мне купи.
При грусти буду смотреть,
Свою карточку ты мне подари...[27]

Схема:

— ⌒ — ⌒ — — ⌒
— ⌒ — ⌒ — — ⌒
— — — ⌒ — — ⌒
— — — ⌒ — — ⌒

Надо отметить и то, что ритм песни в большинстве случаев создается музыкальным исполнением. Исполнитель вносит различные оттенки в песню. При медленном исполнении он устраняет разнобои в слогах, придавая песне строгую ритмическую организацию, т. е. семисложный размер. Если в песне имеются лишние слоги, то они при быстром исполнении песни сливаются с соседними слогами, благодаря чему восстанавливается ритмическое равновесие, единообразие в песне. Удлинение слогов бывает в том случае, когда в строке не хватает слога, и певец, растягивая его, восстанавливает песенный размер, а когда имеется лишний слог, то исполнитель пропускает его. Такое явление мы часто наблюдаем между шестым и седьмым слогами в строке:

Ак боронын јал (ы) алтын,
Айдышканның сөз (и) алтын.
Көк боронын јал (ы) алтын,
Көрүшкеннің көз (и) алтын...

...Грива серого коня — золото,
Слово любимого — золото.
Грива вороного коня — золото,
Глаза милого — золото...[28]

Здесь мы видим, что имеется лишний слог (вместо традиционного семисложника — восьмисложник). Чтобы сохранить размер народного стиха, нужно убрать один слог. Это достигается при

---

[27] Запись автора. Перевод подстрочный. Песня записана в с. Мендур-Сокконе Усть-Канского аймака в 1950 г.

[28] Песня записана в с. Каспе Шебалинского аймака П. Кучияком от Чинатова К. в 1937 г. Перевод подстрочный.

исполнении путем пропуска конечных узких гласных звуков *ы, и*. Чаще всего происходит пропуск шестого слога.

При рассмотрении ритма алтайских народных песен необходимо остановиться на группировке слогов. Каждый песенный слог в стихе подчиняется рифмообразующему слогу. Рифмообразующими слогами являются четвертый и седьмой слоги, вокруг которых группируются все остальные слоги в стихе.

Все эти элементы ритма помогают самым лучшим образом выразить содержание песни, вносят разнообразие в ритмический строй песни. Они служат средствами усиления или ослабления песенного ритма, придают песне различные звучания.

Если рассматривать напевность народных песен, то она примыкает к эпическим песням. Течение протяжных эпических песен в старину должно было быть ровным и спокойным. Эти спокойные и ровные произведения имели и соответствующий напев. Так, очевидно, и пелись эпические и исторические песни алтайцев в далеком прошлом. Об этом свидетельствуют так называемые гортанные песни алтайцев. Сами алтайцы их называют *кай чорчок*. Они исполняются речитативным напевом.

Напевы старых протяжных песен алтайцев до настоящего времени занимают большое место. Наряду с новой бойкой, жизнерадостной песней, мы часто слышим мотивы старинных протяжных песен. Это объясняется традицией. В настоящее время создаются песни как с протяжным, так и с бойким, динамичным напевом.

Таким образом, песенный ритм является одним из сильнейших средств эмоционального воздействия на слушателя. Его отличительной чертой является силлабическая система стихосложения, в основу которой положено одинаковое количество слогов в стихотворной строке. Алтайский песенный стих обычно имеет семь слогов с отчетливым ударением на четвертом и седьмом слогах и с перекрестной рифмой.

Семисложный размер относится к древним формам песенного стиха. Он встречается в древних тюркских письменных памятниках и широко распространен в современной народной поэзии тюркоязычных народов, в том числе у алтайцев.

Устойчивость семисложного размера, начальной рифмы и других его поэтических средств объясняется длительным развитием словесно-художественного творчества народа в соответствии с особенностями строя языка. Различные виды сравнения, эпитета, рифмы, ритма очень украшают песни. Они, благодаря своему глубокому смыслу и поэтической красоте, приобрели очень большую устойчивость. Эти поэтические особенности традиционной песни сохранились и в настоящее время.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Свой поэтический фольклор алтайцы пронесли сквозь века, передавая его из поколения в поколение.

Среди поэтических произведений алтайского народа важное место занимают песни. Песней откликался народ на все события, происходящие в жизни.

Процесс изучения и анализа алтайских народных песен приводит к выводу о разнообразии их тематики. Народ слагал песни на социальные, исторические темы, создает новые песни о Советской власти, дружбе народов, радости социалистического труда, о колхозе, о тружениках колхозного села и т. д. В песнях ярко запечатлелся образ родины, народа и партии.

Некоторые дореволюционные исследователи видели проявление песенного творчества алтайцев только в следующем: едет алтац — поет, идет — поет... Что видит, про то и поет. А. Коптелов критикует тех, которые говорили, что у алтайцев нет песен. Он пишет: «У алтайцев свои песни. В них печали и радости кочевника, художественное восприятие окружающего»[29]. До Октябрьской революции алтайский народ жил в тяжелой нужде и бесправии и боролся за социальную справедливость. Об этом свидетельствует его поэтическое творчество, в котором с наибольшей силой отражены борьба, труд, мечта народа. Поэтому поэтическое творчество алтайских племен с давних пор привлекало внимание деятелей науки и культуры. Еще Радлов, Вербицкий и другие отмечали о большой способности алтайцев к песенному творчеству. В наши дни эту своеобразную эстафету в алтайском народном творчестве продолжали и продолжают П. Кучияк, Н. Улагашев, А. Калкин. К. Кокпоева, С. Этенов и другие.

Созданные ими песни теснейшим образом связаны с традицией старых песен. Многие художественные особенности дореволюционных песен наличествуют в современных песнях алтайцев. Например, образный параллелизм, ритмический размер, различные виды рифмы, поэтического повтора, метафоры, эпитета типичны как для традиционных, так и для современных народных песен алтайцев.

Однако традиционные художественные приемы в новых условиях изменяются, обновляются, получая ряд новых оттенков. В современной песне, хотя и сохраняются элементы традиционной поэзии, особенно во внешней форме, но мы в ней видим процесс развития, зарождения новых мыслей, идей и новых форм, отражение новой советской действительности.

---

[29] Форпосты социализма. М., 1931, стр. 43.

СОДЕРЖАНИЕ

В. СИДЕЛЬНИКОВ. Предисловие 3
Введение 6

Традиционное песенное творчество Горного Алтая

Исторические песни 15
Трудовые песни 22
Семейно-бытовые песни 27
Свадебные песни 27
Величальные песни 32
Лирические любовные песни 35
Игровые песни 38
Социально-сатирические и шуточные песни 42
Песенные состязания 48

Советские песни Горного Алтая

Песни 1920—1930-х годов 53
Песни периода Великой Отечественной войны . . . 67
Песни 1950—1960-х годов 70
Поэтические особенности алтайских народных песен . . 78

Тюхтенев Товар Санатович

АЛТАЙСКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

Редактор В. Т. Самыков. Художественный редактор И. И. Митрофа
Технический редактор М. Г. Шелепова. Корректоры В. Т. Самыко
О. Ф. Андреева.

Сдано в набор 25/II 1972 г. Подписано к печати 5/V 1972 г. Формат 60×
1/16. Усл. п. л. 5,81. Уч.-изд. л. 6,27. Бумага типографская № 3. Тираж 600 э
Заказ № 790. АН 09187. Цена 43 коп.

Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, г. Гор
Алтайск, пр. Коммунистический, 44.
Горно-Алтайская типография, пр. Коммунистический, 27.

43 коп.